

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

А. И. СОБОЛЕВСКИЙ
И РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
(к 150-летию со дня рождения ученого)

Тезисы докладов
Международной научной конференции
(Москва, 8–11 июня 2007 г.)

Москва 2007

Организационный комитет конференции:

проф. А. А. Алексеев, проф. В. М. Живов, акад. А. А. Зализняк,
проф. В. Б. Крысько (зам. председателя),
канд. филол. наук И. И. Макеева (ученый секретарь),
канд. филол. наук К. А. Максимович,
чл.-корр. РАН А. М. Молдован (председатель),
канд. филол. наук А. А. Пичхадзе, канд. ист. наук А. А. Турилов

Редакционная коллегия сборника:

В. Б. Крысько, К. А. Максимович, А. М. Молдован

Конференция проводится

*в рамках Года русского языка при финансовой поддержке
федеральной целевой программы «Русский язык (2006–2010 годы)»
и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-04-14042г)*

А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения ученого): Тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 8–11 июня 2007 г.). М.: ИРЯ РАН, 2007. 73 с.

Л. Ю. Астахина (Москва)

Академик А. И. Соболевский и историческая лексикография

В 1960 г. в «Вопросах языкознания» была опубликована Записка 1925 г., составленная А. И. Соболевским. Она известна, но позвольте напомнить кратко её содержание, т. к. именно она положила начало Картотеке ДРС, хранящейся в ИРЯ РАН, которая легла в основу «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

После того, как в 1912 г., в год столетия И. И. Срезневского, его детьми Всеволодом и Ольгой было закончено издание «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам», в среде учёных возникла мысль о продолжении этих материалов: ведь в «Материалах» И. И. Срезневского охвачен материал до XV в.

К 1925 году у академика Алексея Ивановича Соболевского накопилось около 100 тыс. выписок из публикаций и рукописей более позднего времени, а Отделение русского языка и словесности было закрыто. Встал вопрос о судьбе этих материалов. В это время была образована «Комиссия по собиранию материалов по древнерусскому языку» во главе с А. И. Соболевским. В его записке говорилось о том, что Комиссия должна собирать материалы по 4-м направлениям.

1. Продолжать «Материалы» И. И. Срезневского; 2. Продолжать направление, заданное А. Х. Востоковым в его «Церковно-славянском словаре»; 3. Собирать материал для Словаря Московской Руси XV–XVII вв.; 4. Собирать материал для Словаря русского языка Польско-Литовской Руси XV–XVII вв.

В записке предлагалось устраивать заседания Комиссии, чтобы можно было ознакомиться, кто над каким памятником работает, чтобы консультироваться относительно значения и употребления отдельных слов. Необходимо было иметь свой печатный орган, хотя бы при Сборнике ОРЯС, чтобы издавать материалы и исследования, необходимые для словарной работы.

Казалось бы, исчерпывающие сведения по теме. Из каких источников ещё можно было узнать о работе и жизни А. И. Соболевского? Я обратилась к письмам, адресованным А. И. Соболевскому, и к его письмам, которые посылались либо почтой, либо со специальными посылками.

СПб. отделение Архива РАН и РГАЛИ сохранили эпистолярные материалы. В фонде 176, оп.1, № 1 (СПб.) хранится «Словарь русского языка XV–XVII вв.», составленный Н. А. Смирновым (282 л.) с дополнениями А. И. Соболевского (78 л.), который

А. И. Соболевский намеревался отредактировать и опубликовать как «Материалы для словаря русского языка XV–XVII вв.». Сохранились письма А. А. Шахматова к А. И. Соболевскому (ф. 176, оп. 2, № 496, 1894–1916 гг.), письма А. И. Соболевского к А. А. Шахматову (ф. 134, оп. 3, № 1429, 1884–1920 гг.). В них вырисовывается характер взаимоотношений этих академиков, вначале несколько официальный, затем — тёплый, дружеский. Из писем В. Н. Перетца, Н. П. Лихачёва, Е. Ф. Будде и других (РГАЛИ, ф. 449) выявляются условия, в которых оказались учёные Академии наук (при слиянии 2-го и 3-го отделений), условия в российских университетах в 1918–1929 гг.

Письма отражают личность Алексея Ивановича Соболевского, человека светлого, стойкого, бескорыстного, готового прийти на помощь, обладающего твёрдой убеждённостью в необходимости своего дела, не теряющего грустного юмора даже в самых зловещих обстоятельствах.

Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург)

**«Толковая служба» — русская компиляция толкований на литургию:
к вопросу о месте и времени создания памятника**

«Толковая служба» — компилятивное сочинение, объединяющее в себе объяснения символического значения частей храма и богослужебной утвари, а также толкования проскомидии и основных элементов литургии. Н. Ф. Красносельцев был первым и до сих пор остается единственным исследователем этого памятника. Он выявил и отождествил некоторые составные части этой компиляции и предложил датировку создания памятника — XV век.

Н. Ф. Красносельцев изучал компиляцию преимущественно в составе сборников Соловецкого, Синодального и Румянцевского собраний XV–XVII вв. Нам удалось установить, что «Толковая служба» является неотъемлемой частью Русской кормчей, и в каждом типе Русской кормчей, выделенном на основании изучения Русской Правды (Новгородско-варсонуфиевском, Мясниковском и Чудовском) эта компиляция имеет редакционные особенности. Изучение «Толковой службы» как статьи Русской кормчей позволяет уточнить датировку и место создания компиляции, а также связать причины ее составления с Владимирским поместным собором 1274 года, на котором активно обсуждались вопросы кодификации богослужебной практики.

Наиболее ранний вариант «Толковой службы» представлен в Новгородской кормчей 1282 г. В состав компиляции включены литургические статьи, известные нам по Троицкому списку «Златой цепи»: «Слово откровеньи святаго отца нашего Григория Богослова о святей службе истолковано», «Слово о церковнем сказание», «Слово святаго Василия толк ученическаго чина» и «Воображение о церкви» — а также ряд небольших статей апокрифического характера.

Следующий этап формирования «Толковой службы» представлен к кормчих Мясниковского типа. Она состоит из уже известной по Новгородской кормчей статьи, к которой добавлена статья «Толк божественныя литургия». Эта статья является сокращенным вариантом «Сказания церковного» — толкования на литургию константинопольского патриарха Германа, переведенного на славянский язык Константином Преславским.

Третий и окончательный этап формирования «Толковой службы» представлен в кормчих Чудовского типа. На этом этапе были слиты в единое целое «Толковая служба» из Новгородской кормчей и «Толковая служба» из Мясниковской кормчей. Кроме этих статей в состав «Толковой службы» был вставлен устав архиерейской литургии, подробно описывающий и толкующий Малый и Великий входы, чтение Апостола и Евангелия и причащение.

Датировки основных этапов составления компиляции можно предложить исходя из того, какие русские статьи входят в тот или иной тип Русской кормчей. Первые два этапа, относятся к периоду от 1274 (год проведения Владимирского собора) до 1283 г. (год кончины Кирилла). В обоих типах Кормчей самой поздней по происхождению русской статьей является «Правило» митрополита Кирилла, излагающее основные положения Владимирского собора. Третий этап связан с деятельностью митрополита Максима 1283-1305 гг., поскольку в кормчих Чудовского типа непосредственно перед «Толковой службой» появляется новое «Правило» — «Правило» митрополита Максима, посвященное отмене постов в среду и пятницу в праздник Преполовления Великого поста, в Пятидесятницу, в Рождество и в неделю Св. Духа. Максим официально перенес митрополию Русской церкви из Киева во Владимир в 1299 году, поэтому можно предположить, что устав архиерейской литургии, появившийся на третьем этапе формирования «Толковой службы», отражает формирование архиерейского чина литургии для Успенского кафедрального собора во Владимире.

Г. С. Баранкова (Москва)

Древнерусское вопрошание Невѣдомы(х) словесъ изложено Гевѣргѣемъ.

митрополито(м) кїевьскимъ. Германъ игоумену въпрашающъ. шномъ

повѣдающъ: Проблемы подлинности памятника и особенности его языка

Доклад посвящен исследованию содержательных и языковых особенностей древнейшего епитемийно-канонического памятника, приписанного в единственном сохранившемся списке (РГБ, собр. Юдина № 1) митрополиту — греку Георгию (1061/62 — 1075). Это произведение относительно недавно открыто и введено в научный оборот Л. В. Мошковой и А. А. Туриловым. В связи с тем, что само существование Написания митрополита Георгия, упоминаемого в Вопрошании Кирика, являлось предметом длительных дискуссий, а ученые атрибутировали ему различные анонимные произведения, проблема подлинности найденного памятника является весьма актуальной. Нам удалось найти в рукописи Юдин-1 еще один лист, названный при публикации этого произведения утраченным, однако в действительности оказавшийся в ней не на своем месте. Анализ текста этого листа показал, что перед нами продолжение памятника, содержащего статьи канонического и обрядового характера. Всего здесь насчитывается 20 статей, тогда как текст остальных правил митрополита Георгия включает 111 пунктов.

На принадлежность «Неведомых словес» митрополиту Георгию указывает тот факт, что из трех пунктов Вопрошания, где Кирик ссылается на митрополита Георгия, в анализируемом памятнике (а именно на новонайденном листе) представлены два: разрешение отправления сорокоуста по живым и запрещение попадье причащаться у своего мужа. Анализ языка анализируемого произведения также указывает на возможность его принадлежности митрополиту Георгию, при этом несомненно, что памятник прошел обработку древнерусским книжником (возможно, на стадии перевода либо в процессе устранения вопросов игумена Германа). Отсутствие греческого оригинала затрудняет исследование этого сочинения. В памятнике широко представлена восточнославянская лексика, зафиксированная по древнейшим древнерусским источникам, что вполне объяснимо его непосредственной связью с бытовыми реалиями и обиходом древнерусского общества. Отмечается лексика, известная по наиболее ранним церковнославянским произведениям и восточнославянским переводам. Многочисленны примеры восточнославянских написаний и древнерусских грамматических форм.

У. Биргегорд (Упсала, Швеция)

Переводчики с русского языка в Швеции XVII века. О чем говорят их тексты?

Швеция и Россия — две соседних страны со сложными политическими отношениями не имели единого языка общения. Начиная с XVI века обе страны испытывали потребность в людях, знающих оба языка.

Шведская держава после мира 1617 года пополнилась новыми русскоязычными гражданами православной веры. Эти обстоятельства еще более обострили старую нужду в переводчиках. В Швеции число переводчиков стремительно растет, особенно в первые десятилетия XVII века. В то же время шведские власти сетуют на отсутствие в России компетентных переводчиков со знанием шведского языка.

Переводчики в обеих странах выполняли исключительно важную функцию во многих областях общественной жизни, как в дипломатии и торговле, так и в религиозной сфере.

С целью выяснить уровень знаний и профессионализма переводчиков XVII столетия в докладе будут рассмотрены оригиналы и переводы Катехизиса Лютера, анафем патриарха Филарета в адрес лютеранской и католической церквей и работы Григория Котошихина.

Страстотерпец и мученик: история синонимии

Семантические отношения в паре *страстотерпец/мученик* менялись, причем изменения оказывались обусловленными столкновением двух разных языковых перспектив: сначала греческой и славянской, потом — церковнославянской и русской.

На примерах из ранних переводов можно показать, как при переводе греч. ἄθλοφόρος наряду с калькой *страстоносец* возникает неологизм *страстотерпец*. Первую часть композита ἄθλοφόροι переводчики связывали, по-видимому, не с τό ἄθλον ‘награда за победу’, а с ὁ ἄθλος ‘труд, напряжение’, и понимали, соответственно, ἄθλοφόροι не как ‘победоносцы’ (букв. ‘носители награды’), а как ‘те, что выносят/переносят страдания’. Метафорическое именование мученика победоносным атлетом переосмысливается и становится автономным термином святости.

В переводной письменности слово *страстотерпец* встречается значительно реже, чем *мученик*, и используется обычно для перевода слов от корня ἄθλ- (ὁ ἄθλοφόρος, ὁ ἄθλητής). Слово *мученик* подобной спецификации не обнаруживает и может служить эквивалентом, кроме названных двух, целого ряда других греческих терминов (μάρτυς, μεγαλομάρτυς, ἅγιος, στρατιώτης).

Такое распределение, основанное на иноязычном узусе, имело мало шансов удержаться в оригинальных текстах. Соотношение слов *страстотерпец* и *мученик* наполняется новым содержанием. *Страстотерпец* приобретает специфическое значение ‘невинно пострадавший от единоверцев’.

Впервые это значение отмечается в «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко (1899), где среди примеров фигурируют князья Борис и Глеб и царевич Димитрий. Когда именно возникает ассоциация термина *страстотерпец* с представлением о невинном мученичестве в политических конфликтах, мы не знаем. В XX в. концептуализация термина *страстотерпец* (наиболее отчетливая у Г. Федотова, «Святые Древней Руси»), тесно связана с русской национальной идеей.

В 1990-е гг. специфика термина *страстотерпец* вновь актуализируется в ходе дискуссий о канонизации царской семьи. *Царственный страстотерпец* становится официальным именованием последнего русского царя после канонизации его Московской патриархией в 2000 году (в отличие от принятого ранее в Синодальной церкви термина *царь-мученик*).

К истории окончания род. падежа ед. ч. м. р. местоименного прилагательного в русском языке

Доклад посвящен вопросу замены согласного /g/ на /v/ в произношении окончания род. пад. ед. ч. м. р. местоименного прилагательного (/ogo/ > /ovo/). Это явление обычно рассматривается как в своей сущности фонетическое. Так, Соболевский, наряду с такими учеными как Мейе и Бодуэн де Куртенэ, связывает эту замену с другими явлениями подобного характера, в частности протетическим /v/ перед гласным в начале слова (*вотчина*) и между двумя гласными в середине слова (*Ивань*). Факторы иного порядка тоже упоминаются в исследованиях по этой проблеме, хотя до сих пор не был рассмотрен вопрос о возможной связи этого окончания с возникновением род.-вин. падежа сначала в личных и, позднее, одушевленных существительных бывшего склонения с основой на *-о.

В ходе данного исследования был проанализирован текст *Домостроя* с целью проверки гипотезы о том, что формант -ov-, характерный для нескольких форм личных существительных и образованных от них прилагательных (например: /-ov-/ род. пад. мн. ч. (*отцу-ов*), а также омонимичное окончание притяжательного прилагательного (*Иван-ов*), дат. пад. ед. ч. м. р. /-ovi/ (*Давидови*), им. пад. мн. ч. м. р. /-ove/ (*татарове*)) мог явиться не только дополнительным, но, возможно, и решающим фактором в произношении окончания /-ogo/ как [-ova]. Основанием для такого предположения служит тот факт, что данный формант присущ классу существительных, ограниченному по семантическим признакам лица мужского пола, физически и социально взрослого и активного.

Не оспаривая фонетического начала данного явления, здесь предлагается несколько новое объяснение, с учетом морфологических и особенно семантических факторов, которым до сих пор не уделялось достаточного внимания. Кроме того, представляется полезным обратиться к истории возникновения род.-вин. падежа местоимения *j-(že), так как она должно была отразиться и на рассматриваемом окончании род. пад. в местоименных прилагательных.

Этимология и диалектная фонетика

Связь этимологии с исторической фонетикой (включая развитие фонетики диалектов) является генетически обусловленной, исторически непрерывной и методически двусторонней. Движение в конкретной этимологизации предполагает не только опору на все известные фонетические закономерности и нерегулярные фонетические изменения, но и обнаружение в процессе этимологизации, достаточно обоснованной в прочих аспектах, ранее неизвестных изменений звуков, предполагаемых вначале для узкого лексического круга (или даже одной лексемы), но заслуживающих внимания исторической фонетики как потенциальные свидетельства реальных фонетических изменений. Таким случаем является возможность этимологического сближения ряда русских диалектных лексем, в структуре которых представлена вариантность этимологического *у* с *оу*, *еу* или (реже) *ау(?)*, *иу* (ср. *обрушиться* — новгор. *обраушиться* 'упасть'; нижегор. *щура* 'лукавый человек' — перм. *ощеурничать* 'насмехаться' и др.), что позволяет предполагать соответствующее диалектное «дифтонгическое» преобразование этимологического *у* в определенных условиях (одно из них, вероятно, — подударная позиция).

**Лексикализация изменения $дн > нн > н$ в истории русского языка
(на материале топонимии и диалектной лексики)**

В докладе предложен анализ многочисленных фактов русской диалектной лексики и ономастики, которые показывают результат лексикализации фонетического процесса $дн > нн$, характерного в наибольшей степени для Северо-Западной диалектной зоны. С учетом этого изменения объяснено происхождение современных и средневековых топонимов *Прихон, Прихонь, Похонь, Похоня, Похеня, Прохона, Прохное, Охона, Выхонь, Хониха, Завонь, Бронницы, Канья, Каний* и др.; по-новому трактуется др.-новг. личное имя *Хонь/Хонь* (ср. «*Хоня жена*» в бер. гр. 112); рассматриваются в семантико-деривационном аспекте и в связи с топонимией диал. *похонь* ‘попутный ветер’, *нахонь* ‘посторонние люди’, *отхонный* ‘пологий’, *отхон* ‘последний ребенок в семье’, *отхонка* ‘младшая дочь’, *охонный* ‘плохой’, *хоня* ‘ротозей’, *завонь*, *извонь* ‘залив, заводь’, *повонь* ‘наводнение’, *повонный* ‘ловкий; послушный’, *отвонный* ‘пологий’, *отвонный* ‘отдельный’, *отвон* ‘некрутой подъем’, *запань* ‘загородка; преграда’, *овынь*, *овынка*, *овень* ‘яровая рожь’ и др.

Анализ показывает, что окончательное закрепление за словом результата ассимиляции $дн > нн$ сопровождалось последующим сокращением удвоенного сочетания, а новообразованная лексема теряла семантико-деривационную связь с исходной лексемой. Присутствие словоформы *Хоня* в письменности рубежа XII–XIII вв. удостоверяет древность случаев лексикализации процесса $дн > нн > н$. Действительно, обнаружение слов, охарактеризованных рассматриваемой чертой, в исторической топонимии (с XV в.) и диалектной лексике Северо-Запада и далеко за его пределами, в том числе проникновение в говоры поздних территорий заселения (забайкал., иркут.), почти полный семантический отрыв таких лексем от дериватов, объединяемых корневыми элементами *ход-*, *вод-* и др., предполагает вероятность их обособления начиная с древнерусского времени. Изменение $дн > нн > н$ реализовалось в условиях, когда гласная *ь*, разделявшая согласные на стыке морфем, имела слабую фонетическую позицию и утратилась. При этом следует учесть мену сильной и слабой позиций для *ь* в сочетании *-дьн-* в зависимости от вхождения одних и тех же основ в разные парадигматические классы, их способности перемещаться из одного класса в другой. Предпосылки для закрепления *н* ($< нн < дн < дьн$) за отдельными лексемами создавались также различиями падежных словоформ и влиянием одной основы на другую в рамках одного парадигматического класса.

**«Знаменитое Остромирово Евангелие имеет порядочное количество описок»
(А. И. Соболевский): каких именно?**

1. 950-летний юбилей Остромирова евангелия (далее *Остр.*).

2. А. И. Соболевский, доказывая мысль, согласно которой «исправления в книгах XI–XIII веков [...] совершенно незаметно», подтвердил ее ссылкой единственно на *Остр.*: «Знаменитое Остромирово евангелие, несмотря на тщательность работы, имеет порядочное количество описок, иногда самых ясных и несомненных, и ни одна из них не исправлена ни писцом, ни читателями» (Славяно-русская палеография [по допечатке 2005 г.]. Пагинация вторая: с. 39).

3. В первой половине суждения великий ученый прав: в *Остр.* представлены почти все известные в текстологии случаи ненамеренной модификации исходного текста. Выявлены: гаплография, диттография, метатеза, фузия, фиссия, пропуск строк/и, неинтенционная интерпретация (с прибавлением слов/а), малограмотные написания (особенно в *попіа ргоргіа* и заимствованиях) и атомизм слова (ведущий к аграмматизму).

4. Во второй половине суждения великий ученый не прав: в *Остр.* представлены (нередкие) случаи коррекции ошибочного текста. Выявлены: вставки пропущенного (а именно: литер/ы, слога, слова, словосочетания, строки, фразы); устранения лишнего или неправильного (подчистки, вымарки); замены неправильного (записи). Для подтверждения тезиса об отсутствии исправлений в книжности XI–XIII вв. *Остр.* явно не годится. Для подтверждения обратного тезиса *Остр.* вполне подходит.

5. Некоторые (большинство, но не все) намеренные модификации *Остр.* (по сравнению с другими древними рукописями и синодальным славянским Евангелием [современного употребления]) объективно оказались более успешными: они или формально приближают к греческому оригиналу, или с лучшей мотивацией выражают пословный и перлокутивный смысл фрагмента исходного текста, или передают идиоматику славянской речи. Соответственно в случае желательного поновления современной славянской версии Евангелия (а также и русской) голос *Остр.* должен быть услышан. Такова также и общая установка митр. Московского Филарета (Дроздова).

Текстология и языкознание в рукописной традиции славянского Евангелия

В изучении рукописной традиции славянского Евангелия спорные вопросы часто решаются лишь исходя из самой же традиции славянского перевода евангельских текстов. Однако бывают случаи, когда греческая рукописная традиция позволяет лучше понять славянскую традицию. Таким образом выявляется тесная связь между греческим подлинником и его переводом.

Анализ греческого текста и его истории, развивающийся в последние годы в Германии (Institut für neutestamentliche Forschung, Münster), представляется чрезвычайно ценным для исследования славянского перевода. Такое исследование несомненно поможет уяснить, в какой степени сличение с греческим текстом определило не только первый перевод, но привело к появлению новых разночтений и в ряде случаев т.н. *contaminatio*.

Этот анализ, в свою очередь, позволяет нам лучше оценить свободу славянских переводчиков и переписчиков, выявить различные подходы к переводу. Кроме того, подобное исследование ценно не только для текстологической критики евангелий, но и в целом, в изучении вопроса правки богослужебных книг, равно как и в изучении истории церковно-славянского языка.

Представляется важным обратиться не только к самым древним спискам, которые содержат интересные разночтения и отражают разные слои греческого текста, но и к более поздним спискам. В этой поздней традиции, начиная со второй половины XIV в., отчетливо выявляются следы сближения с византийским текстом.

В докладе на ряде примеров иллюстрируется применение этой методики для анализа евангельских текстов.

К лингвистической типологии славянских рукописей

В отличие от текстологии, в структурной типологии текстов основной объект — это: 1) полная недифференцированная система форм и слов; 2) определение позиций этого текста по отношению к другим текстам.

Беспристрастное синхроническое описание языка памятников исключает такие вопросы, как о типе народных диалектов, легших в основу этого языка; о путях его формирования; о степени его литературности; о том, какой народ говорил на языке, отраженном в этой рукописи; о том, к какому архетипу восходит данная рукопись. Перед лингвистом одна задача — строгое описание плана выражения и плана содержания языка конкретной рукописи.

Лингвистический подход к определению типа языка текста в идеале требует систематического недифференциального моделирования парадигматики и синтагматики языковых факторов, определения статистической модели каждого текста и только после построения этих моделей можно ставить вопрос об отнесении текста этой рукописи к той или иной группе.

Одним из центральных понятий, связанных с моделированием церковнославянского языка, является понятие эталонной модели.

Эталонная модель включает в себя сильные, статистически доминирующие единицы языка. Различные элементы языка образуют разные типы статистических распределений. Статистика элементов группирует тексты и тем самым создает основу для разработки эталонной модели того или иного типа языка. Впоследствии каждый вновь обнаруженный или же изучаемый текст может анализироваться на соответствие этой модели.

Однако проблема определения лингвистического типа и взаимосвязей рукописей по отдельным формам, параметрам осложняется тем, что любая форма, любое слово потенциально может (или могло) быть известно любому списку. Все может встретиться везде.

Что касается лексики, то ни об одном слове, встретившемся в рукописи XV–XVII вв., нельзя сказать, что оно известно этому и только этому тексту. Наличие или отсутствие слов в тексте зависит от содержания, темы, жанра, объема текста, потенциально каждое слово может встретиться везде.

И. Г. Добродомов (Москва)

Литографированный курс А. И. Соболевского «Русские заимствованные слова» и его значение для русского исторического языкознания

Изданный в 1891 году Петербургским университетом в хромофотографии Д. Руднева курс «Русские заимствованные слова» профессора А. И. Соболевского перерос рамки учебного пособия для его слушателей и получил высокую оценку ученых, хотя он предназначался для студентов.

Постепенно известность этого литографированного издания расширилась и на него появляются и продолжают до нашего времени ссылки в трудах исследователей русской лексики.

М. Фасмер в третьей части своих «Греко-славянских этюдов» среди своих предшественников назвал труд А. И. Соболевского «Русские заимствованные слова. Литографированный курс лекций» (СПб., 1891) ему недоступным, но дал этому труду следующую характеристику: «На стр. 80-95, 143-151 сопоставлены греческія заимствованія, при чёмъ проводится (хотя и не вездѣ) разница между заимствованіями книжными и народными. Слишкомъ мало вниманія обращено на церковнославянское посредничество при изученіи греческихъ заимствованій въ русскомъ языкѣ».¹

Представляет загадку фигурирующее в «Списке сокращений» первого тома «Этимологического словаря русского языка» (Russisches etymologisches Wörterbuch) М. Фасмера раскрытие того же сокращения, что и у А. Г. Преображенского: «Соболевский, Заимств. = А. И. С о б о л е в с к и й, Заимствованные слова в русском языке (литогр. курс лекций), СПб. (приблиз. 1901)».

На третьей стороне обложки 6-го выпуска «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского, вышедшего в Москве в 1912 году, содержится раскрытие сокращения: «Соболевский. Заим. — Русскія заимствованныя слова. С.-Пб. 1891 г. (Сочиненіе стало доступно составителю благодаря любезности А. И. Соболевского)».

Такое сокращение, например, фигурирует в качестве ссылки при словах *кровать* (с. 387), *кубара* (с. 403), *куръ* (с. 419), *лампа* (с. 432), *лиманъ* (с. 454), *малахай* (с. 504), *монахъ* (с. 554), *олифа* (с. 647) в первом томе словаря А. Г. Преображенского, причем в последнем случае ссылка на с. 83 труда А. И. Соболевского совпадает в обоих этимологических словарях (А. Г. Преображенского и М. Фасмера).

¹ Фасмер М.Р. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке (=Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук, т. LXXXVI, № 1). СПб., 1909, с. 1.

В книге: И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915, с. 115 — дана весьма высокая оценка литографированного курса А. И. Соболевского: «Это первый труд систематической сводки по вопросу о заимствованных словах в русском языке». Приходится только пожалеть, что автор не напечатал своей работы».

Значимость вышедшего более ста лет назад обобщающего труда А. И. Соболевского сохраняется до настоящего времени: им открывается список пособий, которые и сейчас оказывают помощь при определении языка, с которого сделан перевод, в книге Д. С. Лихачева «Текстология» (СПб., 2001, с. 404), первое издание которой вышло в 1962 году.

От теории к практике: пробный выпуск «Словаря русского языка XIX века»

Создание исторических словарей базируется на исследовательской работе многих поколений лингвистов. Труды А. И. Соболевского по грамматике, этимологии, словообразованию, лексикологии, диалектологии являются образцом многопланового анализа русского словарного состава. Составителям исторического словаря дифференциального типа особенно близок интерес лингвиста преимущественно к изменчивым фрагментам системы языка, огромное значение приобретают методологические принципы диахронического изучения русского языка, им заложенные. Полифонизм исследований этого выдающегося ученого, проявляющийся в одновременном привлечении многих источников, сочетался с пристальным вниманием к отдельным, частным фактам, что позволяло максимально объективировать результат их анализа.

Дифференциальный подход к созданию «Словаря русского языка XIX века» основывается на динамическом принципе отбора лексических единиц с целью показа эволюционных языковых процессов в данный период. Словарная статья имеет ряд структурных особенностей, в связи с чем нетрадиционны некоторые используемые в словаре технические принципы и приемы описания (использование квадратных скобок при нумерации значений; расширенный список помет; повышенная функциональная нагруженность иллюстративного материала; списки слов в виде приложений и др.).

Особое внимание уделяется отражению системных отношений в рамках тематических групп и внутри словообразовательных гнезд. Разрабатывается система взаимных отсылок (*ср.*, *см.* и др.); проводится унификация толкования однотипных слов (*итальянизм*, *русизм*, *эллинизм*); точное толкование каждого слова в группе однокоренных слов (*европеизация*, *европеизирование*, *европеизировать*, *европеизироваться*, *европеизм*, *европеизовать*, *европеизоваться*), являясь важным принципом лексикографического описания, позволяет проанализировать тонкие смысловые переходы и особенности употребления всех слов ряда.

Для представления сведений экстралингвистического характера в словарной статье важную роль играет историко-культурный комментарий, базирующийся на тематической классификации лексики с историко-культурным компонентом. Факультативность этого раздела и одновременно свободная форма его построения позволят не превращать словарь в издание энциклопедического или специального типа.

История слов с корнем *костр-/костер-* ‘крепость, сооружение, укрепление’ в русском языке XI–XX веков

В докладе рассматривается история слов с корнем *костр-/костер-* со значением ‘крепость, укрепление, сооружение’ в русском языке XI–XX веков.

До настоящего времени этимология русского слова *костер* ‘горящая куча дров’ непосредственно связывалась с этимологией славянского слова **kostra* ‘отходы от трепания льна, конопли’. Однако имеются некоторые основания полагать, что эта связь вторична, а значение слова *костер* ‘горящая куча дров’ восходит к значению древнерусского *костърь* ‘башня, крепость’.

Не вызывает сомнения, что древнерусское слово *костърь* ‘башня, крепость’, зафиксированное в ряде летописей, является заимствованием (через среднегреческое *κάστρον* ‘крепость’ из лат. *castrum*). Об этом свидетельствует встречающаяся в памятниках форма множественного числа *кастра* (лат. множ. *castra*): *Кастра крепкы зело* (Срезн. 1: 1197); *Да отрокы твоя съхранятя неврежени иже облацы кастра ихъ* (на поле: *полкы ихъ*) *осеняше и от воды иж<e> прежде бо земля суха явися* (СРЯ XI–XVII 7: 87). Помета на поле также указывает на непонятность (а значит — на чужеземную природу) слова *костърь* (*кастра*).

В русских народных говорах зафиксировано слово *костер* в значении ‘ящик-форма для складывания свода печи’, а также ‘деревянный сруб под печью’. Ящик-форма служила для поддержания кирпичей в своде печи, чтобы кирпичи не вываливались, пока сохнет глина. Это значение тесно связано с первоначальным значением слова *костер* ‘крепость, укрепление’. Более того, существует шахтерский термин *костер* ‘укрепление, поддерживающее кровлю горной выработки’. Эти и некоторые другие значения слов с корнем *костр-/костер-* едва ли могли развиваться из значения ‘куча костры, приготовленной для сжигания’.

Таким образом, материалы говоров и профессиональной лексики дают возможность предположить, что семантическое развитие слов с корнем *костр-/костер-* ‘крепость, сооружение укрепление’ происходило следующим образом: *костер* ‘укрепление, представляющее собой насыпь, сделанную над деревянным каркасом’ > *костер* ‘укрепление, поддерживающее свод печи’ > *костер* ‘укрепление, поддерживающее кровлю горной выработки’. Поскольку подобные укрепления чаще всего представляли собой укладку бревен или жердей в виде сруба, произошло развитие значений:

‘укрепление в виде сруба’ > ‘укладка бревен, жердей в виде сруба (для просушки)’ > ‘укладка бревен (дров), приготовленных для сжигания’ > ‘куча дров, приготовленная для сжигания’ > ‘горящая или приготовленная для горения куча дров, щепок’.

В. Н. Желязкова (София, Болгария)

**Простой пролог в составе рукописи № 73 из научного архива
Болгарской академии наук**

Рукопись № 73 из научного архива БАН состоит из трех независимых частей, которые были переплетены вместе. Внимание ученых привлекала главным образом вторая часть кодекса, которая является одним из древнейших среднеболгарских списков Стишного пролога. Объектом настоящего доклада является третья часть рукописи, представляющая собой Простой пролог на летнюю половину года, которая остается изолированной среди сохранившихся списков этой книги. Во-первых, эта часть писана в первой половине XV в., а в этот период в Болгарии уже распространяется Стишной Пролог. Во-вторых, все остальные сохранившиеся южнославянские списки содержат чтения на весь церковный год, а исследуемая в докладе рукопись содержит чтения только на летнюю половину года, притом только на праздничные дни. В-третьих, в некоторых случаях после житийной части, подобно русским спискам, помещены нравоучительные слова. Сопоставления с русскими списками Простого пролога позволяют высказать мнение, что нравоучительная часть в рассматриваемом прологе возникла независимо от традиции русских списков. Этот вывод подтверждается и правописанием рукописи, которое ясно показывает, что житийная и нравоучительная часть восходят к разным протографам.

В докладе обращается более подробное внимание на две гомилии на Благовещение, которые помещены под 25 марта. Сопоставление с соответствующими гомилиями в Германовом и Супрасльском сборнике, а также в Великих четьих минеях показывает, что в Простом прологе из научного архива БАН сохранены очень архаичные версии данных слов, что доказывается на разных языковых уровнях.

**Дательный самостоятельный в Повести временных лет и Житии Феодосия:
проблемы референтной структуры и порядка слов**

1. Проблемы порядка слов и характера референциальных связей в церковно-славянских текстах далеки от изученности. Нарративная стратегия старых церковно-славянских текстов существенно отличается от современной. Средневековые авторы стремятся связать в одну цепочку все предикативные единицы, излагающие один эпизод, т. е. фрагмент повествования с одним микросюжетом и одним набором действующих лиц. При этом возникает необходимость в многочисленных причастных и инфинитивных оборотах, придаточных предложениях и т. п. и вместе с тем в разветвленной референтной структуре, в которой анафорические связи распространяются на всех участвующих в эпизоде агентов. В докладе рассматривается выбор и размещение анафорического местоимения в обороте дательного самостоятельного (ДС) на материале двух обозначенных в заглавии текстов (ПВЛ и ЖФ).

2. Анафорическое местоимение может отсылать к ближайшему (слева) агенту (агентная непрерывность) или к агенту более отдаленному, и тогда происходит смена протагониста повествования (возникает агентная прерывность). В рассматриваемых памятниках в ДС используются три анафорических местоимения: *и*, *оньй* и *ть*, — *и* и *оньй* в обоих текстах, *ть* только в ЖФ. *И* и *оньи* различаются и по своим референтным свойствам, и по характерному для них положению относительно причастия. *И* отсылает к ближайшей слева «подходящей» именной группе, обычно субъектному актанту предшествующей предикации, и указывает на агентную непрерывность. *Оньи*, как правило, отсылает к несубъектному актанту и указывает на агентную прерывность.

3. Анафорическое *и* стоит в ДС, как правило, после предиката, а анафорическое *оньй* — перед ним (как аналог «нового субъекта»). Постпозиция или препозиция *ть* зависит от нескольких факторов; в качестве «нового» субъекта оно, как правило, стоит перед причастием. Таким образом, препозиция анафорического местоимения коррелирует с агентной прерывностью. В докладе подробно анализируются отступления от этих общих закономерностей и выявляются обуславливающие их факторы.

**Архаизмы, инновации и диалектизмы в Паренесисе Ефрема Сирина
по рукописи РГАДА, Тип. 38**

Несмотря на свою исключительную ценность, Паренесис Ефрема Сирина был издан лишь недавно. В 1984–1988 гг. во Фрейбурге вышли 4 тома с древнеславянским текстом Паренесиса (Vojkovsky, Aitzetmüller 1984–1988). В основу издания были положены два списка — древнерусский Погодинский список ок. 1289 г., а также среднеболгарский список 1353 г. — Лесновский Паренесис. К сожалению, эта публикация не соответствует современным представлениям о лингвистическом издании и содержит массу неточностей.

Если Погодинский список получил краткую характеристику в докторской диссертации А. И. Соболевского, недавно переизданной с комментариями В. Б. Крысько, то остальные списки лингвистами не изучались и остаются совершенно неизвестными. Особый интерес представляет рукопись РГАДА, Тип. 38, хотя она и содержит неполный текст Паренесиса. В ней обнаруживаются такие архаичные орфографические и грамматические формы, которых нет более ни в одном славянском списке. В то же время рядом с архаизмами обнаруживаются инновации и диалектизмы.

Совокупность архаичных явлений в рукописи указывает на то, что писцы готовили книгу, используя раннедревнерусский список XI или начала XII в. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры нестяженных членных форм прилагательных и причастий; нестяженные русские формы имперфекта, в том числе со смешением букв *а* и *ѡ* после шипящих и *ц*, как в древнерусских книгах XI в.; многочисленные орфограммы с сохранением редуцированных, в том числе в таких восточнославянизмах, как ТП на *-ѡмѡ*, *-ѡмѡ* и второе полногласие. Необычно для рукописи рубежа XIII/XIV вв. довольно последовательное отражение старославянского *жд* на месте **dj*, как в самых ранних древнерусских книгах.

По имени счетчика Типографского двора Евдокима Федорова А. А. Покровский установил, что рукопись РГАДА, Тип. 38 поступила из Новгорода. Разбор текста Паренесиса по Типографскому списку показал, что рукопись не просто доставлена из Новгорода, но и имеет псковско-новгородское происхождение. Об это свидетельствует прежде всего смешение аффрикат *ц* и *ч*; псковско-новгородское изменение в группе *вл'* > *л'*; отвердение *р'*; отвердение *м'* перед гласным; соканье; заударное яканье и др.

Новонайденный список переводных комментариев к Словам Григория Богослова из рукописного фонда Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького

Перевод сочинений Григория Богослова появился в самую раннюю эпоху славянской книжности — это знаменитый сборник XIII Слов Григория Богослова, известный по рукописи XI в. (издана А. Будиловичем в 1875 г.). Очевидно, одновременно с этим появляется славянский перевод византийских комментариев к Словам Григория Богослова.

К таким комментариям принадлежат, например, их сербская редакция по рукописи XV в. из Синодального собрания ГИМ (№ 55, лл. 1-7 об., порядок листов 6 и 7 перепутан при переплёте), а также схолии под названием «Сказание о скверных бозех еллинских. суть же имена тех. в прьвомъ слове Григория Богослова, на Богоявление. емоу же зачело. паки Исус мои паки таинство», находящийся в составе сербского требника 1423 г также из Синодального собрания ГИМ (№ 307, лл. 417 об.-421, или 415 об.-419 по параллельной нумерации). Тексты имеют черты болгарского происхождения. Обе схолии упоминают А. В. Горский и К. И. Невоструев, а вторую упоминает ещё и Н. А. Тихонравов в «Летописях русской литературы и древностей» (приведя только часть названия — *Сказание о скверных бозех еллинских*). Однако никто из авторов не указывает на их связь с творениями Григория Богослова.

О существовании сербской редакции схолий говорит также Д. Н. Буланин в его «Античных традициях в древнерусской литературе» (München, 1991, с. 161), анонсируя намерение обратиться к ним в будущем (там же, с. 291). Реализован ли замысел, мы не знаем.

Интересно, что название комментариев в рукописи № 307 отсылает к *первому* Слову Григория Теолога (39 Слово по общепринятой нумерации). Это является симптомом большой древности протооригинала схолии: такой порядок известен только в рукописи XI в. — в позднейших сборниках он другой.

Недавно нам посчастливилось обнаружить в рукописных фондах ОГНБ им. М. Горького ещё один вариант подобных комментариев (в рукописи № 1/110, XV в.) опять-таки сербского происхождения и также с выразительными чертами болгарского протографа самого памятника.

Сопоставление списков указанных переводных комментариев показывает интересную содержательную и языковую (в том числе и лексическую) вариативность, что представляет несомненный научный интерес.

Рецензии А. И. Соболевского (о морфологии имени)

Значительное место в научном наследии А. И. Соболевского занимают рецензии. Ученым написано более 250 критических работ за период с 1881 по 1929 годы. Широта научного кругозора исследователя предопределили и широкий круг проблем, попавших в русло его интересов как рецензента. Отзывы Соболевского посвящены публикациям из разных областей филологии: праславянскому языку, этимологии, развитию славянской письменности, развитию грамматического строя старославянского языка, русской и славянской лексикологии и лексикографии, исторической фонетике, диалектному членению древнерусского языка, исторической и восточнославянской диалектологии, историческим словарям, изданиям отдельных памятников и исследованию языка этих памятников, фольклору, а также археологии, истории, этнографии и юриспруденции.

Исследователь был весьма резок в своих оценках. Однако его нелицеприятные высказывания сопровождаются доказательными интерпретациями, подкрепленными большим материалом рукописей и диалектными данными. В рецензиях Соболевского рассыпаны удивительно тонкие наблюдения, большинство из которых может стать сюжетом для дальнейших научных разработок. Собственно морфологии имени посвящено несколько рецензий ученого. В основном вопросы по интересующей нас проблематике разбросаны по разным критическим публикациям.

В представленном докладе внимание сосредоточено на таких вопросах исторической морфологии, как развитие омонимии именительного и винительного множественного числа, формирование класса собирательных имен типа *князья*, становление форм именительного единственного мужского рода типа *Варламе* и некоторых других.

Критическое наследие А. И. Соболевского должно изучаться самым тщательным образом. И не только потому, что здесь представлены новые интересные наблюдения, которые могут служить дополнительным источником знаний по ряду проблем филологии. Но и по той причине, что исследователь самым тщательным образом анализирует работы отечественных и зарубежных исследователей (классиков из области русистики и славистики) и находит здесь ряд огрехов в материале и много его ошибочных интерпретаций (например, в известных работах Шахматова, Ляпунова, Брандта, Ильинского, Ягича, Миклошича, Виноградова и др.). К сожалению, приходится констатировать, что эта часть научного наследия Соболевского почти не находит отражения в трудах по истории языка и другим смежным дисциплинам.

«Список А. И. Соболевского» и переводческая деятельность в Киевской Руси

Исследование переводной литературы, бытовавшей в Киевской Руси, решение вопросов о месте выполнения переводов и национальности переводчиков — традиционная проблематика языковедов-древников, не утрачивающая своей актуальности и в наши дни. Академик А. И. Соболевский внёс основополагающий вклад в разработку этой проблематики. Будучи глубоким знатоком древнерусского рукописного наследия и обобщив высказывания своих предшественников (А. Х. Востокова, И. И. Срезневского), он предложил лексический критерий распознавания древневосточнославянских переводов и на его основе составил внушительный перечень переводных текстов, созданных, по его мнению, на Руси (или, во всяком случае, восточными славянами). Этот перечень приняли затем Н. Дурново, Д. Чижевский. Хотя А. И. Соболевский во многих случаях судил о рукописях по общему впечатлению, позднейшие конкретные монографические исследования многих из них подтвердили его выводы. Вполне сознавая недостаточность лексического критерия как единственного метода, им, тем не менее, успешно пользовались В. М. Истрин, Н. А. Мещерский и ряд других учёных.

Развитие науки поставило исследователей перед настоятельной необходимостью выработки комплекса критериев установления восточнославянского происхождения переводов. Таковы, например, работы А. М. Молдована. Однако совершенно неправомерным представляется проявляющееся в последнее время стремление ограничить число древнерусских переводных произведений двумя-тремя или вовсе отрицать участие восточных славян в переводческой деятельности (Ф. Томсон, Р. Станков, отчасти В. Федер). Необходима активизация исследовательской работы над древними переводами при комплексном подходе к языковым (и другим) признакам их происхождения.

Заслуживает внимания, в частности, высказанное ещё В. М. Истриным предположение о комплексном переводе текстов, связанных с именем Феодора Студита. Отметим, что Студийский (Студийско-Алексиевский) устав бесспорно переведён восточными славянами, а 2-ю книгу Большого катехизиса и ряд поучений Малого катехизиса Феодора Студита с большой вероятностью можно считать восточнославянскими переводами.

Г. Йованович (Белград, Сербия)

Некоторые сопоставительные моменты, касающиеся лексики сербских и русских евангелий (на средневековом материале)

- Несколько слов о славянской письменности, её начале и её судьбе среди отдельных славянских народов
- Восприятие древнейшего письменного наследия на восточнославянской почве, а также у южных славян (в том числе сербов)
- Русские и сербские евангелия (тетры и апракосы) и их отношение к кирилло-мефодиевскому наследию
- Проблемы лексического варьирования в евангелиях
- Характерные черты в лексике обеих редакций
- Лексические различия между тетрами и апракосами
- Лексика и текстология евангелий
- Выводы

У. Kakridis (Bern, Schweiz)

Imperfektketten im Suprasliensis

R. Večerka behauptet in seiner *Altkirchenslavischen Syntax* (Bd. II, S. 162), es liessen sich im Aksl. Korpus „seltene Belege anführen, in denen eine Kette von Verben im Imperfekt eine Reihe von aufeinanderfolgenden Handlungen / Tätigkeiten bezeichnet, durch die die Entwicklung der *fabula* dargestellt ist, z.B. Luk 6, 1 *bystъ že vъ sѣbotѣ vъtoroprvу. iti emu skvozě sěanьě. i vъstrъzaachѣ učenicу ego klasy. i ěděachѣ istirajѣšte rѣkama*». Das angeführte Beispiel stützt die Behauptung nicht, da es sich bei *vъstrъzaachѣ* und *ěděachѣ* um mehrfach wiederholte Ereignisse handelt, die zwar bei jeder einzelnen Wiederholung aufeinanderfolgen, in ihrer Gesamtheit jedoch denselben Zeitabschnitt einnehmen.

Die Untersuchung der narrativen (hagiographischen) Teile des Codex Suprasliensis zeigt, dass das Imperfekt als solches nicht in der Lage ist, das Fortschreiten der Handlung auszudrücken. Es ist dazu auf zusätzliche grammatische Signale angewiesen, die eine Verschiebung der Betrachtzeit bewirken. Dieses Ergebnis wird durch einen Vergleich mit den Parallelstellen im Uspenskij spisok der Grossen Lesemenäen bestätigt.

К истории фонем /o/ — /ω/

1. Возникновение различия фонем /o/ и /ω/ А. А. Шахматов относил к эпохе до падения редуцированных, А. А. Зализняк считает его одним из следствий падения редуцированных. Однако наличие двух разных букв в глаголице и кириллице для фонем «типа о» может свидетельствовать о том, что создатели этих алфавитов уже видели различие между этими двумя фонемами.

2. Л. Л. Васильев и А. А. Шахматов предположили, что /o/ и /ω/ связаны с разными типами древнего музыкального ударения: /o/ с нисходящим ударением, /ω/ с восходящим. Однако эти особенности древнего ударения не могли быть причиной возникновения различия между /o/ и /ω/.

Древними представителями этих фонем, по всей видимости, были дифтонги типа [ōȳ] и [ȳō], возникшие из *[o]. Разное движение тона на этом гласном не могло вызвать соответствующие дифтонги. Звук [y] обладает меньшей интенсивностью и соответственно воспринимается как менее громкий по сравнению с [o]. Повышение тона в тональных пределах человеческой речи воспринимается как уменьшение громкости, поэтому [o] под восходящим ударением должно было давать [ōȳ], а под нисходящим [ȳō], т. е. прямо наоборот по сравнению с тем, что предполагали Л. Л. Васильев и А. А. Шахматов.

Причиной возникновения различия между [ōȳ] и [ȳō] могла быть разница в изменении интенсивности на протяжении гласного звука, связанная с разными типами ударения: увеличение или снижение интенсивности на гласном. При увеличении интенсивности возникал восходящий дифтонг с менее интенсивной неслоговой первой фазой и более интенсивной слоговой второй фазой — [ȳō], при уменьшении интенсивности возникал нисходящий дифтонг с первой слоговой и второй неслоговой фазой — [ōȳ]. Такие различия в интенсивности разных фаз дифтонгов, представляющих фонемы /o/ и /ω/, наблюдаются в современных русских говорах.

3. Все историки русского языка и диалектологи писали, что различие /o/ и /ω/ возникло только под ударением, а в безударных слогах эти фонемы не различались. А. А. Зализняк, присоединяясь к этой точке зрения, показал также, что ω, обозначающая в «Мериле Праведном» /ω/, могла писаться и в безударных слогах. В современных говорах Слободского сельсовета Харовского р-на Вологодской обл., сохраняющих некоторые

архаические черты, различие /o/ и /ω/ наблюдается не только под ударением, но и в безударных слогах.

Р. Ф. Касаткина (Москва)

Функционирование изменяемой постпозитивной частицы в севернорусских говорах и специфика фразовой интонации

По мнению А. И. Соболевского, постпозитивная частица *-от* (*-та*, *-то*, *-те*), функционирующая в севернорусских говорах, является «скудным остатком» определенного артикля (члена), свойственного некогда системе древнерусского языка. К оценке этой частицы как определенного артикля склонялись также М. Г. Халанский, А. А. Шахматов, П. Я. Черных, В. А. Богородицкий.

Такое решение принималось на основании близости фонетического облика двух сравниваемых лексем — севернорусской частицы и болгарского артикля, их изменяемости, а также позиции в слове — постпозитивной. И в наше время, как отмечает В. И. Трубинский, «не окончательно еще развеяна иллюзия, будто в ряде севернорусских говоров она является не частицей, а членом».

В работах нашего времени эта точка зрения продолжает находить своих сторонников (см. работы Младенова; М. Leinonen; Н. Stadnik-Holzer) и др.). Эти исследователи исходят из положения, что подобные частицы в функции артикля представлены во многих языках евразийского языкового союза, в том числе и в языках финской группы, находящиеся в тесном контакте с севернорусскими говорами.

Согласно другой точке зрения, диалектная постпозитивная изменяемая частица функционально не отличается от неизменяемой частицы *-то* в литературном языке. Такого мнения придерживался А. М. Селищев, позднее В. П. Чичагов, Е. В. Немченко и И. Б. Кузьмина, В. И. Трубинский. Самым веским аргументом против артиклевой роли севернорусской *-от*, *-та*... является возможность сочетания этой частицы не только с существительными, но и с другими частями речи.

Согласно нашим наблюдениям, в современных севернорусских говорах с изменяемыми постпозитивными частицами употребляются не только имена нарицательные, но и собственные, а также прилагательные, местоимения, наречия и даже глаголы. Ср. примеры из записей вологодской речи: постпозитивная частица при местоимениях: *Она здоровая была, меня-то выше. Вот как мы-то работали, а сейчас-то*

леготá; при наречиях: *Вода-та пойдёт вниз-то*. *Огурцы раньше-то не сажали*. *Топерь-то он старше стал*, *топерь-то всё забывáт*, *да болиет да*; при глаголах: *И побежáли мы потом промышлёт-то*. *Приходили-от*, *да кланялись*. *Лён вецерáм всё трепали-то*. *Ткут вот эдак*, *щипают-то бёрдо*. Но безусловно преобладают примеры с постпозитивной частицей при существительных.

Наш материал свидетельствует о том, что изменяемая постпозитивная частица может появляться как в составе тематической, так и рематической группы, напр. *Со всея волости девки-ти встречаются с цюжым-то робятам*. *Лёд-от толстый*, *да отнесло лёд-от от берегу-ту*. Возможность сочетания частицы с разными частями речи и появление ее в как в составе тематической, так и рематической группы позволяет предположить, что она подобна просодическому средству, служащему для выделения коммуникативно важных фрагментов высказывания. С нашей точки зрения, она является вербальным соответствием фразовым тональным акцентам в литературном языке.

В более ранних наших работах было показано, что севернорусским говорам свойственно пословное мелодическое оформление высказывания. Набор интонационных средств в севернорусских говорах более скуден, чем в литературном языке. Фразовая интонация в них служит в первую очередь для оформления основных коммуникативных типов, а также выполняет делимитативную функцию, отделяя тональными средствами одно фонетическое слово от другого: межсловные границы выражаются понижением тона. При таком характере интонирования возрастает роль лексических средств для создания эффекта смысловой выделенности того или иного фрагмента высказывания, поскольку просодические средства направлены на другие цели.

Говоры славянских языков как источник материала для семасиологических исследований

Говоры славянских языков являются источником ценнейшего материала для исследований в области семасиологии. Так, диалектный материал значительно дополняет и углубляет изучение исторического развития названий цвета. Говоры сохраняют особую полисемантическую цветоименований, которая указывает на конститутивный принцип эволюции цветовой семантики и отражает особенности номинационных процессов.

Конститутивным принципом эволюции цветовой семантики является расширение семантического объема слова. Ср.: укр. диал. *багрий* «темно-красный», «черный» (о корове), рус. диал. *красеть* «краснеть», «желтеть».

Возможно, к первичной хроматической семеме, обозначающей «цвет вообще», в процессе эволюции добавлялись дифференцированные семемы, последовательность которых в семантической структуре слова детерминирована способностью глаза к выделению конкретных цветовых оттенков, значимостью предмета – эталона цветоименования для поддержания жизненного цикла и сложностью номинационных процессов.

Семантический объем слова увеличивался за счет включения новых семем, которые испытывали колебания в процессе отбора оптимального эталона цвета. Уточнение цветового признака способствовало росту промежуточных семем, которые активно участвовали в процессе формирования абстрактной цветовой семемы. Так, рус. диал. *голубой* сохраняет следующие хроматические семемы: «желтый», «пепельный», «серо-дымчатый с белым», «черный с белым серебристым», «сиреневый» и др.

Рядом с хроматическими семемами развивались оценочные, причем в говорах оценочность отражена значительно шире, чем в современных славянских языках.

Современные славянские языки отражают элиминирование промежуточных семем в процессе исторического развития, редукцию оценочных семем и различную актуализацию семем в одном языке и в разных языках. Ср.: хорв. диал. *голуба* (о корове) «серая», укр. диал. *голуба́* (об овце) «серая» и босн. диал. *голуба* (о корове) «белая».

Диалекты сохраняют уникальные цветовые значения: рус. диал. *золотой* «бирюзовый», блр. диал. *голубой* «красный с белыми пятнами» и др. ИмPLICITные хроматические семемы, объединяясь с эксплицитными, расширяют семантическое поле цвета, что создает качественно новые возможности для семасиологических исследований и значительно повышает степень их верифицированности.

Состояние грамматической нормы языка поздних летописных текстов

Невиданный всплеск развития русского летописания в конце XVI–XVIII вв. совпал с периодом, чрезвычайно значимым для истории русского литературного языка: временем становления языка русской нации, завершающий период существования церковнославянского языка в качестве литературного, с ситуацией замены механизма стабилизации нормы по образцам механизмом стабилизации ее путем кодекса, что повлекло за собой большие перемены в структуре литературного языка и социолингвистической ситуации в целом. На основе исследования 37 летописных памятников с целью создания целостного представления о языке (в аспекте грамматической нормы) поздних русских летописей (как составленных в центре Российского государства, так и провинциальных — написанных в Сибири, Нижнем Новгороде, на Севере), до недавнего времени, большей частью, неизвестных и не введенных по этой причине в научный оборот установлено следующее.

Русские летописи, появившиеся в к. XVI–XVIII вв., весьма разнообразные по содержательному наполнению, композиции и используемым языковым средствам, в целом являются памятниками, в которых реализована сниженная церковнославянская грамматическая норма. Очевидно, что язык памятников, в которых реализуется упрощенная грамматическая церковнославянская норма (в том числе и в поздних летописях), во всех своих новых чертах и проявлениях ориентируется на узус живого русского языка, на восточнославянские языковые нормы. Результаты проведенного анализа и описания состояния ряда особенностей грамматической нормы языка памятников позднего русского летописания показывают, что существуют языковые особенности летописных текстов, созданных в разных центрах летописания, а также принадлежащих к разным группам летописных памятников. Исследование текстов обнаруживает специфические, а также типологически универсальные грамматические средства, используемые, с одной стороны, в летописях и книжных текстах других жанров, и, с другой, — в летописях и деловом языке.

Исследование пласта поздних летописных текстов подтверждает вывод, сделанный ранее М. Л. Ремневой, о роли традиции при составлении новых текстов в конце XVI–XVII вв.: несмотря на то, что этот период является временем появления первых восточнославянских грамматик церковнославянского языка, престижность которых считалась неоспоримой на протяжении многих лет, они оказались трудами, мало влияющими на книжную практику: как и в прошлом, главную роль играл образцовый текст и сила его императивности была высока. Однако «образцовыми» для всех жанров были уже тексты, в которых отражалась норма, формировавшаяся в XV и особенно XVI–XVII вв.

Тенденции развития *nomina abstracta* в истории русского языка

Анализ тенденций развития словообразовательной категории *nomina abstracta* показал, что в современном языке деление на реальные и модальные предикаты является актуальным не только для глаголов, но также для абстрактных существительных.

Именные модальные предикаты появились в кругу *nomina abstracta* с синкретичными значениями действия-качества, свойства-состояния, которые существуют в русском языке с древнейших времен (ср. древнерусск. *дряхлость*, старорусск. *высохлость*, *затхлость*). С XIX века категория *nomina abstracta* регулярно пополняется существительными с финалью *-ость*, имеющими значение пассивной гипотетической и активной потенциальной процессуальности, которые образуются от страдательных причастий настоящего времени. При их образовании суффикс *-ость* выполняет две функции: 1) транспонирующую (прилагательное → отвлеченное существительное); 2) эксплицирующую (актуализируется модальное значение, в «скрытом виде» присутствующее в семантике производящих причастий, ср.: *контролируемый* 'такой, которого контролируют', т.е. 'такой, который может быть объектом контроля' → *контролируемость* 'возможность быть объектом контроля'). Вследствие семантической реинтерпретации модальных имен действия с финалью *-ость* формируются новые отглагольные словообразовательные типы модальных имен действия с протяженными вторичными суффиксами *-есть, -мость* (ср. *выгораемость*, *вработываемость*, *откликаемость*). Модальные *nomina actionis* на *-ость* — предикаты инактивной версии действий — противопоставлены реальным именным предикатам — именами действия с формантами *-ние, -ство, -ация*.

Модальные именные предикаты с финалью *-ость*, сохраняющие признаки глагольности и одновременно «стилизующие» активную и пассивную процессуальность как качество-свойство, подвергаются «семантической обработке» в конкретных синтаксических контекстах, где их модальные и залоговые значения могут актуализироваться или нейтрализоваться. Тем не менее, сам факт существования модальных *nomina abstracta* является аргументом для введения в классификацию *nomina abstracta* — и прежде всего *nomina actionis* — дополнительного основания членения ('характер устанавливаемой достоверности'), способствующего уточнению и обогащению общей модели описания этой макрокатегории.

**«Церковнославянские стихотворения IX–X веков»:
опыт современной реконструкции**

Сто лет назад А. И. Соболевский в ряде текстуально близких статей, посвященных «церковнославянским стихотворениям IX–X веков», обратил внимание на оригинальные поэтические произведения древней славянской литературы, восходящие к периоду до конца X века и отличающиеся, с точки зрения литературной, ориентацией на византийские образцы, а с точки зрения языковой — чрезвычайной архаичностью. Восстановление изначального текста этих стихотворений, по мнению Соболевского, — «вещь не хитрая», хотя в некоторые случаях «необходимы более значительные поправки» (Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 2).

Среди гимнографических текстов также выделяется группа сочинений, для которых до сих пор не было обнаружено греческих соответствий, в частности, тексты в честь славянских святых — Кирилла и Мефодия и Бориса и Глеба, а также одна из служб Димитрию Солунскому и азбуковные стихиры на Рождество и Крещение. Вследствие отсутствия греческих оригиналов в славистике возобладало мнение о собственно славянском происхождении этих сочинений. Анализ раннеславянских гимнографических текстов существенно затрудняется тем, что сохранившиеся списки демонстрируют значительные расхождения и содержат множество «темных мест».

Автору удалось обнаружить греческие источники, которые в парафразированном виде послужили основой ряда славянских тропарей. Открытие этих источников существенно облегчает понимание славянских текстов, позволяет разъяснить многие «темные места» и реконструировать первоначальный облик древнейших славянских гимнографических сочинений.

В докладе на основе сопоставления вариантных чтений во всех сохранившихся восточно- и южнославянских списках (XI–XVII вв.) канона Кириллу Философу предлагается реконструкция третьего тропаря первой песни канона (**Свѣтъгымь доухъмь**) и третьего тропаря пятой песни (**Преплавающѣи дивьно**); эта реконструкция верифицируется путем сравнения с греческим источником — каноном в честь Григория Нисского (соответственно тропари Ἐκ τοῦ πελάγους и Οἱ διαπλέοντες).

Молитва над болящим в составе сербского Требника Q. п. I. 24

Одним из аспектов многогранного творческого наследия А. И. Соболевского стало исследование нетрадиционных молитв — к Св. Троице, против дьявола и других в составе Ярославского сборника XIII в. Изучение данной тематики, начатое А. С. Архангельским, И. А. Шляпкиным и А. И. Алмазовым, после революции продолжали почти исключительно зарубежные исследователи. При этом некоторые любопытные рукописные памятники до сих пор остаются не введенными в научный оборот. Так, сербский Требник РНБ юQ. п. I. 24 XIV в. помимо чинов крещения, елеосвящения, венчания, исповедания, великого водосвятия содержит 9 молитв над болящим, молитвы «от нежита», «на пострижение волос отрочищу» и др. Из молитв над болящим наиболее интересна последняя, представляющая собой апокрифический текст, близкий к народным заговорам. Она содержит большой перечень имен греческих (в том числе малоизвестных), а также славянских и русских святых, редкие эпитеты Богородицы и Честного Креста (Л. 21–24 об). Как нам удалось установить, Молитва над болящим является переводом греческой ложной молитвы об исцелении больного. Опубликованная А. Васильевым молитва из Сборника Национальной библиотеки в Вене Cod. Vindobon. Philosophic. 178, 1429–1430 гг. (Fol. 35^r–36^f) обнаруживает несомненное генеалогическое родство с Молитвой над болящим в сербском Требнике. Они представляют собой 2 редакции, восходящие к общему архетипу. Там, где в греческом тексте на помощь больному призывается «св. Госпожа Богородица из Афин», в сербской рукописи сделана вставка с обращением к Богородице из Эфеса, «от Высоких гор», из Ираклии (?), «от Бесскверных», «от Плакедонии», из Одрина, «от Кидохта (?)» (Л. 23), что указывает на различную географическую среду бытования этих текстов. Другая большая вставка в славянском тексте следует после имени Иоанна Предтечи (Л. 23–23 об). В ней упоминается ряд славянских святых: Гавриил Лесновский, Иоаким Осоговский, Прохор Пшинский, Иоанн Рыльский, Борис и Глеб «от Русь», Параскева Эпиватская, а также несколько славянских топонимов. Это свидетельствует о предпринятом славянским переводчиком значительном редактировании текста. Параскева Эпиватская необычно названа «Петко Каликратие въ Трънове» (Л. 23 об), эта характеристика позволяет уточнить время создания протографа данной молитвы — вскоре после 1230-х гг., когда мощи св. Параскевы были перенесены Иваном II Асенем из Каликратии в Тырнов (между 1230 и 1235 гг.), но прежнее местонахождение мощей еще не было целиком вытеснено из памяти болгарской столицей.

О вновь найденных оригиналах к «Вестям-Курантам»

«Вести-Куранты» — издание переводов разных рукописных и печатных газет и брошюр (в основном на немецком, нидерландском и шведском языках) с информацией на актуальные политические, экономические и другие темы, осуществлявшихся в Посольском приказе в течение всего XVII века. Русские переводы издаются Институтом русского языка РАН. Пять томов с новостями 1600–1660 гг. уже опубликовано (1972–1996); шестой выпуск — в двух томах, с переводами 1660–1670 гг. — должен выйти в следующем году.

В первую очередь для наших синтаксических исследований, отраженных в двух монографиях о глагольном управлении в «Вестях-Курантах» (Maier I. Verbalrektion in den „Vesti-Kuranty» (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittlerrussischen Syntax. Uppsala, 1997. 308 S.; Verbalrektion in den „Vesti-Kuranty» (1600–1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala, 2006. 466 S.), мы старались найти как можно больше иностранных оригиналов, сохранившихся как в Российском государственном архиве древних актов, так и в разных европейских библиотеках и архивах. Что касается первых пяти томов «Вестей-Курантов», то теперь известны оригиналы примерно к 800 рукописным листам, а обнаруженные нами оригиналы к текстам шестого выпуска — несколько сот текстов (в основном газетных статей, в редких случаях — целых печатных брошюр) — будут опубликованы в отдельном томе, вместе с томом русских текстов.

В докладе будут представлены некоторые вновь найденные оригиналы, а именно своего рода рекламные брошюры о целительном колодце, возникшем в 1646 г. в деревне Хорнхаузен, недалеко от Магдебурга, в нынешней федеральной земле Саксония-Ангальт. В одной из этих брошюр, переведенных для царя Алексея Михайловича и его приближенных, имеется список более двухсот больных, якобы излеченных водой из колодца от самых различных болезней («камчуг», депрессия, слепота, глухота, немота, паралич и т. д.). Поскольку для каждого больного указывается помимо болезни также место жительства, список является настоящим кладезем для изучения не только названий болезней, но и адаптации немецких топонимов в русском языке XVII в.

К проблеме перевода чудес Николая Мирликийского

В работе «Особенности русских переводов домонгольского периода» А. И. Соболевский включил в число переведенных в Древней Руси «Чудеса Николая Чудотворца» и «Сказание о перенесении мощей Николая Чудотворца в Бар». Сначала речь шла о чудесах, вошедших в три рукописи: Торжественник в составе Златоструя XII в., Хлуд-215 XIII в. и Тр-9 рубежа XIV–XV вв. Однако у А. И. Соболевского, видимо, не было уверенности в русском переводе всех текстов. Поэтому далее, разделив чудеса на «более апокрифические» и «менее апокрифические», он предположил, что вторую группу текстов следует отнести к вероятным южнославянским переводам, лишь исправленным на Руси.

Группа, названная «менее апокрифической», включает восемь текстов, вошедших в Торжественник в составе Златоструя XII в.: чудо о трех воеводах, чудо о Дмитрие, чудо о Симеоне, чудо об Агрике и его сыне Василии, чудо о юноше Николе, чудо о попе Христофоре, чудо о Петре-чернце и двойное чудо свв. Николая Чудотворца и Георгия Победоносца. Из этого списка как заведомо болгарское по происхождению следует сразу исключить двойное чудо свв. Николая Чудотворца и Георгия Победоносца. Как показал А. А. Турилов, оно было извлечено из болгарского «Сказания инока Христодула» о чудесах великомученика Георгия Победоносца. Именно в этом чуде содержится та лексика, которая приведена А. И. Соболевским как пример имевшихся в чудесах южнославянизмов: *хусити* (грабить), *хусарь* (пират), *войска* (ж.р.). Вопрос о принадлежности текстов к южно- или восточнославянским переводам может быть поставлен в отношении семи чудес раннего цикла.

Чудеса святителя Николая были известны уже в Киевской Руси, хотя обе древнейшие рукописи с этими текстами происходят с севера восточнославянской территории. Хлуд-215 XIII в. написана в новгородской земле, Торжественник XII в. — в Ростово-Суздальской Руси, причем эта рукопись восходит к болгарскому оригиналу.

Торжественник в составе Златоструя представляет собой древнейший список славяно-русского минейного Торжественника. Его прототипом стал переведенный в Болгарии греческий сборник, перенесенный затем на Русь. То, что перевод сделан с греческого сборника, согласуется с порядком следования текстов как в Торжественнике, так и в Хлуд-215. Очередность чудес отчасти соответствует их последовательности в византийской литературе. Кроме того, славянские версии текстов не соответствуют

известным опубликованным полным и кратким греческим версиям. По-видимому, перевод был сделан с особых греческих текстов, которые вошли в сборник, явившийся прототипом переведенного в Болгарии минейного Торжественника. Из большого количества известных в византийской литературе чудес святителя Николая Мирликийского в него было включено всего несколько текстов — предположительно шесть. Чудо о трех воеводах и двойное чудо были включены, вероятно, в славянскую рукопись, к которой восходит Торжественник XII в. Перевод ранних чудес святителя Николая Мирликийского, видимо, был традиционным пословным переводом, осуществленным в Болгарии и ставшим известным в Киевской Руси не позднее конца XI в., точнее, не позднее 90-х гг. этого столетия.

Время появления перевода у восточных славян может быть определено на основе упоминания трех текстов — чудес о трех воеводах, о Дмитрие и об Агрике и его сыне Василии — в русском чуде об утопшем детище, которое произошло в Киеве. В свою очередь время совершения чуда о детище указано в еще одном русском чуде — истории исцеления иконой св. Николая в 1113 г. в Новгороде князя Мстислава Владимировича. Спасение утонувшего ребенка было совершено Николаем Мирликийским во время перенесения мощей святителя из Мир в Ликий в итальянский город Бари. Само событие произошло в 1087 г.

Вторая группа текстов, названная А. И. Соболевским «более апокрифической», входит в состав Рум-181 1523 г. Это чудеса о трех девицах, о трех друзьях, о царе Синагрипе и о трех иконах. За исключением чуда о царе Синагрипе остальные тексты действительно могли быть восточнославянскими переводами, хотя греческие оригиналы в настоящее время неизвестны. Из чуда о трех друзьях взято большинство слов, которые А. И. Соболевский приводил как лексические признаки русских переводов: *бродити в море* (плавать), *мешекъ*, *пропасть*, *товаръ*, *бежащим гостем по морю Понетському*. Возможно, в эту группу следует включить еще чудо о монастыре. Перевод мог быть сделан в XIII–XIV вв. в связи с возросшей популярностью культа святителя Николая на Руси.

**Дополнение к исследованию А. И. Соболевского о галицко-волынском наречии:
язык и текстологические особенности Луцкой псалтыри 1384 г.**

Луцкую псалтырь 1384 года можно отнести, на основании ее орфографических и фонетических особенностей, к группе рукописей юго-западного происхождения, описанных А. И. Соболевским в «Очерках из истории русского языка». В ней ясно наличествует переход *въ* в *оу*, а также, хотя в сравнительно умеренной степени, смешение *я* с *е*, а иногда и с *и*. Между тем некоторые местные черты, которые встречаются в рукописях, исследованных Соболевским, в Луцкой псалтыри или являются исключением, или отсутствуют вовсе. Орфографические навыки опытного писца, наряду со склонностью к гиперкоррекции и к частому употреблению отдельных восточнославянских форм, говорят о стабильной местной норме церковнославянского языка.

С текстом Псалтыри дело обстоит несколько иначе. Сам писец, поп Иван, сообщает, что в спешке не успел закончить работу над рукописью; и действительно, на основе переставленных фраз и слов, двойных чтений и других неточностей можно заключить, что, полагаясь на память, он часто писал под внутреннюю диктовку хорошо известный текст II редакции Псалтыри, которая распространялась в церковном употреблении с XI века. В то же время отмечаются текстологические особенности, которые ничего общего со II редакцией не имеют. Это, с одной стороны, языковые черты и разночтения, характерные для I редакции Псалтыри, причем не для этой редакции в целом, а скорее для отдельных ее представителей раннего южнославянского происхождения; а с другой стороны, целый ряд инноваций, которые являются или типичными для новых южнославянских редакций XIV века, или же специфичными для тех особых типов переработки псалтырного текста, которые возникали под влиянием ранних переводов Толковых псалтырей. К последней текстологической разновидности, по-видимому, относятся своеобразные объяснительные заглавия, которые, к сожалению, Иван успел добавить к псалмам лишь в начале своей рукописи.

Эти особенности роднят Луцкую псалтырь с группой севернорусских рукописей конца XIV — начала XV веков и уточняют имеющиеся данные о времени и путях распространения новых редакций церковных книг с балканских стран на восточнославянский ареал и о становлении новых норм церковнославянского языка.

Роль А. И. Соболевского в изучении древнейших западнославянских переводов с латыни

Занимаясь изучением древнеславянской переводной литературы, А. И. Соболевский не обошел своим вниманием группу достаточно крупных памятников, переведенных с латыни у западных славян в течение X–XI вв. К числу этих памятников относятся «Беседы на Евангелие» папы Римского Григория Двоеслова (590-604 гг.), апокрифическое «Никодимово евангелие», пенитенциал «Заповеди св. отец», ряд житий западных святых. Почти все эти памятники сохранились преимущественно в русских списках и стали частью книжно-письменного наследия Древней Руси.

Преимущественное внимание Соболевский уделял лексическому составу данных памятников — прежде всего западнославянским диалектизмам. Ученому принадлежат ценные наблюдения над текстом и рукописной традицией этих переводов, а также тщательно составленные славяно-латинские индексы к наиболее интересным лексемам из «Бесед на Евангелие» Григория Двоеслова и «Никодимова евангелия».

В своих работах о житиях западных святых Соболевский впервые применил оригинальную методику определения языка, с которого могли быть сделаны эти переводы — эта методика основана на анализе фонетики отдельных имен и терминов, а также славянских грамматических конструкций, объяснимых только при допущении латинского оригинала. Ряд недостатков этой методологии заставляет работать над ее усовершенствованием, однако ее плодотворность в целом до сих пор не вызывает сомнений.

Традиции изучения славянских переводов с латыни, заложенные А. И. Соболевским, получили продолжение в трудах европейских ученых — таких как Йосеф Вашица, Вацлав Конзал, Гельмут Кайперт, Йоханнес Райнхарт, Марианна Цибранска, Джорджо Дзиффер. В отечественной славистической науке традиция изучения древнейших переводов с латыни, к сожалению, подверглась забвению. Надеемся, что настоящий доклад послужит оживлению в нашей стране научного интереса к исследованию западнославянского книжно-письменного наследия, оказавшего существенное влияние на древнерусский литературный язык и церковную книжность.

И. А. Малышева (Санкт-Петербург)

Из истории лексикографической терминологии: лексикон и словарь в русской научной традиции XVIII века

Лексикографическое наследие XVIII века значительно и имеет не только собственно лингвистическую, но и огромную культурную ценность.

Лексикографические труды XVIII века представлены словарями разных типов: переводные иноязычно-русские и русско-иноязычные, словари иностранных и непонятных слов, специальные словари (терминологические и энциклопедические), толковые.

Одновременно с созданием словарей разных типов шел процесс выработки необходимых лексикографических понятий и поиска наиболее оптимальных их наименований.

Процессы формирования лексикографической терминологии не были предметом специального изучения, хотя исследование данной проблемы важно не только для изучения процессов развития лексикологических и лексикографических понятий и закрепления их в создаваемой терминологии, но и для анализа общего исторического процесса формирования лингвистической терминологии в русской филологической науке.

XVIII век сыграл принципиально важную роль в становлении и совершенствовании лингвистической терминологии в русистике, что связано со словарной работой и созданием грамматик.

На протяжении всего века идет поиск названия для «собрания речений»: *вокабуляриум (вокабулярий, вокабулярия), номенклатор, лексикон, словесная книга, собрание слов, словарь, словотолк, роспись словам, дикционер или речениар, собрание речений, алфавитное показание слов, роспись слов и речений, реченник, речник* и др.

Во второй половине века основными конкурентами стали *лексикон* и *словарь*. Наиболее активно по греческой традиции использовалось слово *лексикон*. *Словарь* появляется во второй половине столетия (наиболее ранний пример относится к 1767 г.). В названии словаря слово *словарь* впервые употреблено Н. Г. Кургановым в 1769 г. В окончательном выборе в пользу термина *словарь* главную роль сыграло создание основного лексикографического труда XVIII века — Словаря Академии Российской (1789–1794 гг.).

Временник Георгия Монаха в зеркале Словаря древнерусского языка

1. Мечтам И. И. Срезневского о создании древнерусского словаря на базе глубоко проработанной лексики отдельных памятников не суждено было сбыться. По разным причинам такой путь создания словаря не реализован и сейчас. В докладе, на материале лексики переводного Временника Георгия монаха, показано, какими потерями Словарь платит за нереализованные мечты.

2. Временник Георгия Монаха (ВГМ) в самом раннем его списке, Троицком (Тр), принадлежит к числу тех двух десятков самых объемных памятников, лексика которых составляет фундамент Словаря. Лежащие на поверхности погрешности Словаря неоднократно обсуждались и публиковались; их анализ не входит в задачи настоящего доклада. Остановимся на представлении нашей лексики в основном в VI и VII томах Словаря и только с точки зрения нескольких слабо учтенных особенностей ВГМ: текст Тр многоуровнево испорчен; первая задача его интерпретации — восстановление первичных чтений; первичные чтения находятся в том числе в каком угодно позднем списке (а также в любом фрагменте, включенном в другой памятник); ВГМ как памятник — совокупность всех его списков; слово значит то и именно то, что оно значит в своем контексте.

3. Примеры неудовлетворительных словарных решений — из-за неразличения первичных и вторичных чтений и неучета первичных вариантов более поздних списков, ошибок в воспроизведении текста рукописи; недостаточного или неправильно воспроизведенного контекста, неразличения переводных слов и русских вставок. Спорные и неправильные толкования — из-за неправильно понятого содержания, обобщенное значение с потерей конкретной семы: истекоша (о внутренностях) *вывалились*, истрашеноу *вывалиться*; златомь покры *украсить*; покрытися значение 2 *быть затопленным*; подвижныи значение 4 *относящийся к соревнованиям*. Произвольно приписанное значение: болезнь *душевная болезнь* (об Ироде!); ошибочно приписанное значение: покорити значение 3 *подчинить определенным правилам*; правьдныи значение 2 *оговоренный в законе или каноне, законный*.

Отражение прошедшего действия в языке восточных славян

В предлагаемом докладе на обсуждение специалистов выдвигается следующая гипотеза:

1. Славянские языки, которые по данным сравнительно-исторического языкознания отличаются в индоевропейской семье особой генетической близостью, проявляют, как представляется, значительные различия в области отражения процесса протекания действия. Это связано, по-видимому, с различиями в восприятии сути данного феномена и концентрации системообразующего смысла в плоскости восприятия протекания действия во времени (в настоящем, прошлом или будущем) или в плоскости восприятия протекания действия как продолжительного или непродолжительного (пунктуального) процесса.

2. Вопреки общепринятому мнению, что в славянских языках изначально обе плоскости восприятия органично сливаются и находят свое отражение в синкретичном взаимодействии глагольных категорий времени, вида и способа действия, проведенное исследование позволило установить, что у восточных славян (в отличие от южных) восприятие процесса протекания действия сконцентрировано, по всей вероятности, на его понимании как продолжительного или непродолжительного процесса.

3. Данный вывод опирается на факт отсутствия в восточнославянских языках сложной системы прошедших времен (как это представлено в южнославянских) и употребление в них для выражения различных «нюансов» протекания действия в прошлом всевозможных языковых средств, описывающих способ протекания действия.

4. Заключение об отсутствии системы прошедших времен вытекает из анализа памятников восточнославянской письменности и языкового материала современных русского, украинского и белорусского языков. Наличие каких бы то ни было следов сложной системы прошедших времен как в истории восточнославянских языков (по крайней мере, начиная с письменной фиксации общевосточнославянского в конце X века), так и на современном этапе их существования представляется принципиально недоказуемым: отнесение действия в прошлое маркируется единственно формой на *-л*. Напротив описание способов глагольного действия как отражение дуративных или пунктуальных процессов широко представлено не только компонентами лексической семантики соответствующих глаголов, но и использованием дополнительных лексических языковых средств и транспозиционным употреблением всевозможных форм глагола с учетом их грамматического и лексического значения.

Формальная структура Константиновой глаголицы

В прошлом в науке преобладало отношение к глаголице как результату деривационного процесса, и различные азбуки рассматривались как возможные источники буквенного инвентаря глаголицы. Современная же наука рассматривает глаголицу как продукт индивидуального творчества и пытается в соответствии с этим определить принципы, которыми руководствовался славянский первоучитель Константин-Кирилл, создавая свой алфавит. Поиски эти привели на сегодняшний день к следующим двум важным результатам. Это, во-первых, в типологической перспективе осознание того факта, что глаголица создавалась в контексте намеренного, культурно-политически мотивированного отталкивания от существующих моделей. Другими словами, здесь (как и в случае древнекавказских алфавитов) мы имеем дело с т.н. дистанционным письмом (*Abstandschrift*) — в отличие от более поздней кириллицы как расширенного письма (*Ausbauschrift*). Во-вторых, мы исходим из того, что создатель глаголицы в формальной структуре своего алфавита сознательно использовал религиозную символику.

Мнения относительно дальнейших деталей, однако, расходятся. Здесь мы имеем дело главным образом с тремя интерпретационными моделями.

Это, во-первых, концепция Г. Чернохвостова, согласно которой в основе очертаний глаголических букв лежат три христианских символа — крест, круг и треугольник. Во-вторых, это модель В. Йончева (модифицированная в настоящее время М. Чунчичем), базирующаяся на сегментах круга. И, в-третьих, самая младшая — концепция автора данного сообщения, согласно которой Константин создал свой алфавит из семи элементов (графических признаков), объединенных преимущественно в три символически значимые формы — крест, круг и треугольник.

В данной работе автор сначала анализирует палеографию древнейших глаголических памятников IX–XII вв., а затем делает попытку соотнести полученные результаты с названными тремя концепциями. Сравнение ключевых вариантов букв позволяет ему, кроме прочего, подтвердить постулированное им сакральное число — 7 базисных элементов — из которых возникла азбука Константина-Кирилла.

Лексические маркеры как средство атрибуции преславских текстов

Лексический критерий — один из основных способов атрибуции, датировки и локализации славянских переводных и оригинальных текстов. В особой степени это относится к исследованию литературного наследия книжников, которые трудились в Преславском центре в IX–X вв. В прошлом столетии были предприняты многочисленные исследования и издания текстов, дополняющие материал, известный из лексикографических справочников. Тем не менее, предложенные критерии для определения маркированных/немаркированных лексем до сих пор вызывают оживленные научные дискуссии.

Весьма ценный источник для исследования лексических «маркеров» представляют Диалоги Псевдо-Кесария (*Сильвестра и Антония вопросы и ответы*) — объемное древнеболгарское переводное сочинение, которое известно только в русских списках XV–XVI вв. Рукописная традиция этого памятника отражает три типа развития текста: копирование без изменения; копирование с глоссированием неясных лексем посредством т. наз. «произвольников»; копирование, при котором устаревшая и неясная лексика заменяется вполне понятными синонимами.

На основе исследования этого переводного памятника можно определить следующие основные методологические параметры для выявления лексических маркеров, доказывающих преславское происхождение текста:

Первый этап. Эксерпция *свидетельств употребительности* данной лексики: 1. Лексикографические справочники (результат: фиксация лексики, типичной для определенного круга памятников). 2. Дипломатические и критические издания текстов (фиксация лексики, типичной для определенного круга памятников).

Второй этап. Эксерпция *свидетельств неупотребительности* данной лексики: 1. Дипломатические и критические издания текстов, текстологическое исследование (фиксация лексики, которая постоянно или спорадически подвергается замене в традиции определенного текста); 2. Списки сочинений, в которых содержится редакторская правка путем глоссирования (фиксация лексики, которая постоянно или спорадически подвергается замене в отдельных списках определенного текста); 3. Русские азбуковники (фиксация лексем, которые воспринимались как иноязычные, неясные, устаревшие, только книжные); 4. Ошибки в русских списках древнеболгарских оригиналов (фиксация лексем, которые воспринимались как неясные).

На основе этого подхода создается возможность для идентификации т. наз. «лексических маркеров». Это слова, которые обладают совокупностью типичных признаков: находятся в текстах, возникших примерно в одно время и в одном месте, теряют свою актуальность вне этого круга памятников, с течением времени превращаются в редко употребляемые архаизмы или совершенно исчезают из книжного языка. В силу своей неспособности удержаться в активном словарном фонде книжного языка при изменении условий (в результате развития языка, разграничения региональной и общеупотребительной лексики, влияния иноязычной среды и т.д.) этот тип лексических маркеров чаще подвергается замене в средневековых текстах. Процессы обновления, относящиеся к этому кругу лексики, наблюдаются в большинстве текстов т. наз. «золотого века» древнеболгарской книжности, получивших новую литературную жизнь в России начиная с пятнадцатого столетия.

**Анонимное толкование 71-го правила Карфагенского собора:
место написания и проблема датировки**

Анонимное толкование 71-го правила Карфагенского поместного собора (далее — Карф. 71) написано не позднее последней четверти XIII в., поскольку оно содержится в самом раннем русском списке Кормчей сербской редакции — Рязанской Кормчей 1284 г. (РНБ. Ф. п. II. 1. Л.121б-124в). По непонятным причинам текст не привлек внимания исследователей, и только один автор попытался связать его с конкретной исторической ситуацией (см.: Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С.147). К сожалению, Карф. 71 лишено ярких южнославянских языковых черт и могло быть написано (или переведено) как на славянском юге, так и на востоке.

Можно предложить четыре варианта времени и места его создания. 1. Если Карф. 71 переведено с греческого, то время его включения в Кормчую — первая половина XIII в. 2. Если Карф. 71 оригинальный текст, написанный в Сербии, то время его написания и включения в Кормчую примерно тоже. 3. Если Карф. 71 оригинальный текст, написанный в Болгарии, то он включен в Кормчую не позднее 60-х гг. XIII в. 4. Если Карф. 71 — оригинальный текст, написанный на Руси, то он создан не позднее 1284 г.

Полагаю, что первые два варианта следует исключить. Во-первых, Карф. 71 отсутствует в двух древнейших сербских списках Кормчей: Иловицком 1262 г. и Рашском 1305 г. Во-вторых, о нем не упоминает С.В. Троицкий, изучавший сербские списки Кормчей. Третий вариант нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть из-за недостаточности данных. Четвертый вариант — единственный, который можно объяснить на основе известных нам исторических реалий. Можно предложить и, исходя из содержания, обосновать, что герой (вернее, антигерой) этого полемического текста — митрополит Кирилл II (бывший печатник кн. Даниила Романовича Галицкого), а сам текст написан игуменом Киево-Печерского монастыря Серапионом (будущим епископом Владимирским). Однако все это только предположения, и доказать, что интересующее нас толкование русское, без лингвистического анализа невозможно. Вероятно, только исследование языка памятника может дать объективные научные данные для его локализации, поскольку исторические данные или отсутствуют или предоставляют поле для самых широких, хотя и частично обоснованных, спекуляций.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 07-01-00166а.

Алексей Соболевский и Григорий Ильинский — противоречивое единство

Алексей Соболевский и Григорий Ильинский — выдающиеся исследователи истории русского языка. Их заслуги в выявлении ряда фактов, процессов и явлений развития русского языка и славянской письменности невозможно переоценить. Оба они воспитанники дореволюционной русской славистики и во многом похожи друг на друга в своем отношении к славянским древностям. Оба бережно собирают данные о славянских средневековых рукописях, изучают и публикуют многочисленные издания произведений древних славянских литератур. С одинаковой энергией они продолжают свои исследования в невыносимых условиях. Оба рано начали преподавать в престижных университетах в России, получили также признание и за границей. Оба относились отрицательно к изменениям в общественной и научной жизни после 1917 г. Их публикации после этого года заметно сокращаются.

По разному проходила их научная карьера. А. Соболевский, хотя и защитил свою магистерскую диссертацию за границей, работал преимущественно в России, а Г. Ильинский имел возможность провести несколько лет в университетах Средней и Западной Европы. А. Соболевский работал всегда в столицах России и благополучно трудился более тридцати лет в столичном Петербургском университете. После блестящих студенческих успехов в том же университете Г. Ильинский начал свой путь в науке трудно. Из-за отрицательного отзыва своего преподавателя А. Соболевского, который был старше его на 20 лет, он не смог защитить там свою магистерскую диссертацию и был вынужден покинуть столицу, работая после этого в нескольких провинциальных университетах двадцать лет в не очень хороших условиях, особенно после 1917 г., и только через 10 лет попадает в Московский университет, покинутый им добровольно в возрасте 54 лет. После 1917 г. публикации А. Соболевского выходят в свет преимущественно в России, а Г. Ильинского — преимущественно за границей. А. Соболевский был арестован в 1918 г., но по ходатайству ученых быстро освобожден, Г. Ильинский арестован в 1934 г., и его жизнь трагически закончилась в 1937 г.

Все эти сходства и различия, однако, не имеют значения для использования результатов их исследований современными учеными. То, что интересует их, — это вклад А. Соболевского и Г. Ильинского в развитие славистики. И поскольку этот вклад оставил заметные следы до сих пор — оба сохраняют и до нынешнего дня свой образ авторитетнейших славистов XIX–XX вв.

Греко-славянские параллели в Паренесисе Ефрема Сирина: соотношение глагольных форм

В сообщении обсуждается соотношение древнеславянского перевода Паренесиса Ефрема Сирина с параллельным греческим текстом. Исследуется степень точности перевода спрягаемых глагольных форм в двух древнерусских списках памятника — Погодинском XIII в. (РНБ, Погод. 71а) и Троицком XIV в. (РГБ, Тр. 7) — и факторы их варьирования. В качестве параллельного греческого принимается текст, опубликованный И. Ассемани (приводится по изд. [Papaenesis 1984]). Отмечаемые разночтения касаются как несовпадения славянского и греческого текста (и в плане грамматики, и в плане лексики), так и несовпадения славянских списков между собой. Ниже остановимся на грамматических фактах.

1. Несовпадения славянского и греческого текста.

а) Различие временных характеристик, например: *инзи оуко оуча къ тои лѣности прѣкѣкаю* (Тр 7, 22б) — ἐναπέμεινα (аорист); *земному поракотши еѡ* (Тр 7, 20б) — δεδούλωσαι (пассивный перфект); *на части юже къ далъ имъ гѣд* (Тр 7, 28г) — ἔδωκεν (аорист).

б) Несовпадение личных характеристик, например: *толико же и тѣлома едраки будете* (Тр 7, 21а) — γίνεται (3 л. ед. ч.). В указанном чтении употребление плюральной формы обусловило радикальную синтаксическую перестройку без ущерба для смысла контекста (τοσοῦτω καὶ τὸ σῶμα εὐρωστον γίνεται ‘настолько и тело крепко будет’).

в) Различие в глагольном наклонении, например: *яко и азъ вѣихъ ялъ* (Тр 7, 22а) — εἶχον πιάσαι ‘имел приумножить’ (имперфект от ἔχω + инф. аор. от πιάινω).

2. Грамматические несовпадения в славянских рукописях показывают несколько большую, хотя и не исключительную, точность Погодинского списка по отношению к тексту Ассемани (его чтения указываются на втором месте): *не ли же понужаєте еѡ* (21а) | *понужаєтеѡ* еѡ (24г) ᾧ βιάσηται (3 л. ед. ч.); *много не оумножитъ еѡ* (25а) | *много не оумножи еѡ* (30в) ᾧ οὐκ ἐπλεόνασε (аорист); *гѣд же направитъ* (Тр 7, 25а) | *да направитъ* (30в) ᾧ κατευθύνη (конъюнктив); вместе с тем: *да не продолжимъ словесе* (24г) | *да не прѣдложи словесе* (29г) — ἵνα [δὲ] μὴ μηκύνωμεν (конъюнктив 1 л. мн. ч.).

Исследование выполняется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 05-04-04292а)

Инфинитивные конструкции в Чудовской и афонской редакциях Нового Завета

Перевод греческих инфинитивных конструкций, включая конструкции с субстантивированным инфинитивом, в старославянских и церковнославянских памятниках является темой, к которой традиционно поддерживается интерес в палеославистике. В докладе предполагается рассмотреть способы передачи инфинитивных конструкций в двух поздних редакциях Нового Завета — Чудовской и афонской. Представленный материал показывает несходство переводческих принципов данных редакций в отношении передачи субстантивированного инфинитива. Афонская редакция во многих случаях значительно ориентирована на древний текст и воспроизводит свойственные ему конструкции. Чудовская редакция, при некотором числе совпадений с афонской, в целом демонстрирует иной набор переводческих приемов, находящий параллели не столько в древнем тексте Евангелия, сколько в переводах иных богослужебных и небогослужебных текстов. Вместе с тем, при несомненном единстве переводческих принципов Евангелия и Апостола Чудовской редакции заметна разница в передаче инфинитивных конструкций в Евангелии Чудовской редакции, с одной стороны, и в Апостоле — с другой, причины которой, по всей вероятности, кроются в разнице текстологической истории этих двух частей Нового Завета.

Следует отметить, что в отношении перевода субстантивированного инфинитива на списки Чудовской редакции оказывал влияние афонский текст, и таким образом, и по данному признаку подтверждается выявленное ранее по другим параметрам деление Чудовской редакции Нового Завета на две текстологические ветви: Чудовский Новый Завет и Погод. 27 Апостол, с одной стороны, и три списка Евангелия: Никоновское, Погод. 21 и О. п. I.1 — с другой.

**О прагматике восточнославянской сверхсложной формы
(«русского плюсквамперфекта»)**

В раннем восточнославянском сверхсложное прошедшее (см. об этом термине [Петрухин, Сичинава 2006]) передавало значения аннулированного и недостигнутого результата, а также прекращенного прошедшего (о последнем термине см. [Плунгян 2001]). В корпусе примеров, содержащих данную форму, обращает на себя внимание большое количество фрагментов договорных грамот, а также представленной в летописях княжеской дипломатической переписки. Как представляется, это обусловлено не только тем, что соответствующие тексты, в силу их «некнижного» характера, допускают более широкое употребление «разговорной» сверхсложной формы. Наблюдения показывают, что в дипломатических текстах сверхсложная форма регулярно используется в особой функции: она сообщает о том, что некое ранее принятое решение (договор, присяга и т. п.) отныне считается недействительным, ранее предпринятое действие — отменяется; также она может сообщать об отказе от намерения совершить некое ранее запланированное действие. Высказывание, содержащее подобную форму, представляет собой перформативный речевой акт: образуя сверхсложную форму от глаголов типа *обѣцати*, *цѣловати* (*крестъ*), говорящий (автор документа) тем самым декларирует отмену соответствующего обещания, крестного целования и т. п. Аналогичные употребления встречаются и в берестяных грамотах. Сверхсложное прошедшее в указанной функции представляет собой своего рода антитезу хорошо известному перформативному употреблению аориста и перфекта в древнерусских официальных актах и берестяных грамотах [Зализняк 2004: 175].

ЛИТЕРАТУРА

- А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004. 2-е изд.
- П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.
- В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50–88.

**Славянская гимнография и древнейший перевод Хроники Георгия Амартола
и родственных памятников**

Древнейший славянский перевод Хроники Георгия Амартола возник не ранее 963 г. и не позже середины XI в. В языке памятника яркие южнославянизмы соседствуют с яркими русизмами. Такое же положение наблюдается в Повести о Варлааме и Иоасафе, перевод которой близок по языку к переводу Хроники Амартола, причем относительно некоторых русизмов этого памятника можно утверждать, что они присутствовали уже в переводе, а не были привнесены в текст редактором или переписчиками. По-видимому, эти тексты переводились выходцами из южнославянских областей на Руси.

Сейчас появилась возможность уточнить, продолжателями какой литературно-языковой традиции являлись эти переводчики. Сопоставление лексики Хроники Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе с лексикой служебных миней XI в. — праздничных и повседневных — обнаруживает систематическое сходство в словоупотреблении. В этих памятниках частотны слова: **изъщень** ‘исключительный, превосходный’, **искрь** ‘рядом’, **выспрь** ‘наверху’, **область** ‘власть’, **изноуришти** ‘отнять, украсть’ и **неизноуренъ**, **неизноуримъ** ‘такой, который невозможно украсть’, **истовын** ‘настоящий’, **омраченни/омрачьныи** ‘темный’, **прапржда** ‘багряница’ и **прапрждьнъ** ‘багряный’, **тименик** ‘грязь’ и **тимьнъ** ‘грязный’, **томити** ‘мучить’, **томитель** ‘тиран, мучитель’, **тржтъ** ‘военный отряд’, **оукромник** ‘край’ и **оукромьныи** ‘крайний’, а также производные с корнем **рѣсн-** ‘истинный’ и сложные слова с основой **инн-**, имеющей значение ‘единый, тот же самый’. В этих текстах не используется послелог **дѣла** (только **ради**), регулярно употребляется аорист с приращением **-тъ**, фиксируются формы асимметрического аориста, очень частотны глаголы с суффиксом **-ова-**. Некоторые из перечисленных особенностей (регулярное употребление послелога **ради** и аориста с приращением **-тъ**, употребление асимметрического аориста и слов **искрь**, **изноуришти**, **область** ‘власть’, **омраченни/омрачьныи**, **прапржда**, **тименик**) сближают перевод служебных миней и Хроники Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе с произведениями Климента Охридского и Константина Преславского. Это дает основания предполагать преемственную связь между учениками Кирилла и Мефодия и переводчиками служебных миней, с одной стороны, и между переводчиками служебных миней и Хроники Амартола и Повести о Варлааме и Иоасафе — с другой.

М. Б. Попов (Санкт-Петербург)

Еще раз о происхождении цоканья

С фонологических позиций обосновывается гипотеза, согласно которой севернорусское цоканье (в широком смысле — как наличие только одной аффрикаты) возникло в результате междialeктного взаимодействия северо-западных древнерусских говоров, не знавших 2-й и 3-й палатализаций и вследствие этого не имевших аффрикаты c' , с восточнославянскими говорами, пережившими 2П и 3П и имевшими две аффрикаты.

При взаимодействии фонологической системы только с одной аффрикатой \check{c}' (условно — др.-новг.), с системой, имеющей две аффрикаты $\check{c}'-c'$ (условно — др.-рус.), аффриката др.-новг. \check{c}' фонетически отождествляется с др.-рус. c' , но этимологически др.-рус. $c' =$ др.-новг. k' . Др.-новг. \check{c}' , отождествленная с инодиалектной аффрикатой c' и субституирующая ее в заимствованиях, и должна была вытеснить исконное k' в процессе заимствования слов с c' , которому в этимологически родственных словах говора-рецептора соответствует k' . Точнее, заимствованные слова с \check{c}' вытесняли через этап варьирования этимологически эквивалентные исконные слова с k' . Такой механизм оправдан с фонологической точки зрения, так как в говоре-рецепторе k' и \check{c}' противопоставлены как самостоятельные фонемы. Если бы исконные слова с \check{c}' вытеснялись соответствующими заимствованными словами с c' , как полагают [Глускина 1968; Ferrell 1970], то механизм изменения оставался бы неясным. Вытеснение исконных слов с k' подчинилось морфонологическим закономерностям. Это объясняет, почему НБГ практически не имеют аффрикат в качестве рефлексов 2П, но обычно имеют $ц/ч$ на месте рефлексов 3П (т. е. **кѣле**, **на отроке**, но **отъць**, **грамотничѹ**): раньше всего вытеснялись исконные слова с k' по 3П, затем с k' по 2П в начале корня (**кѣле**), в то время как слова с k' по 2П в конце основы (**рѣкѣ**), где могло бы возникнуть чередование $k' || \check{c}'$, в конечном счете, сохранили это k' . Исходным типом неразличения аффрикат было, таким образом, *чоканье*.

Переход от чоканья к системе с двумя аффрикатами может объясняться как результат внутреннего импульса, поскольку аффриката c'/c возникала не только в результате палатализаций, но и вследствие морфонологических и фонетических процессов после падения редуцированных: **дѣтъьскыи** > *де[с]кий*, **коулачьскыи** > *кулацкий*, **несеть сѧ** > *несе[tsa]*, **одинъ на десѧте** > *одина[с]ать*, **дѣва десѧти** > *два[ts]ать* и т. п. С точки зрения частотности и семантической значимости эти группы лексики могли оказать сильное воздействие на фонетическую систему говора, до этого имевшего только аффрикату \check{c}' . Возникновение новой свистящей аффрикаты и соответственно новой оппозиции в системе фонем могло привести как к стабилизации новой оппозиции $\check{c}'-c$, так и к поглощению

новой артикуляцией старой, что выражалось в смешении обеих артикуляций и замене чоканья цоканьем.

Т. Г. Попова (Северодвинск)

Лествица и её списки в трудах А. И. Соболевского

Изучение Лествицы имеет давнюю и богатую традицию и связано с именами выдающихся мировых учёных, при этом особое место принадлежит А. И. Соболевскому. Несмотря на то, что учёный специально Лествицей не занимался, вклад, внесённый А. И. Соболевским в исследование памятника, переоценить просто невозможно: пожалуй, нет ни одной важной проблемы, которая не ознаменовалась бы либо замечательным открытием, либо интересными идеями, либо концептуально важными замечаниями учёного.

К началу XX века в научный оборот было введено не менее 177 славянских списков Лествицы, из них в поле зрения А. И. Соболевского находилось не менее 13 (Рум. 198, Рум. 199, РО МГАМИД 452, Усп. 18-бум., Трц. 167, Рум. 200, Трц. 10, МДА 152, О.п.1.12, Волок. 462, РО МГАМИД 411, Яросл. 9/559, Воскр. 83, Рум. 493). В целом, более или менее подробные сведения о Лествице находим не менее чем в 17 работах учёного. При этом А. И. Соболевский затрагивает широчайший спектр филологических проблем. Его интересуют как содержание и художественные особенности памятника, так и самые разные вопросы языка и текста конкретных рукописей: графико-орфографические и морфологические особенности, датировка, отражение говора писца в списке, почерк писца, украшения списка. Кроме того, в работах А. И. Соболевского находим интересные и ценные наблюдения, связанные со славянской рукописной традицией памятника и особенностями переводов, представленных в разных группах списков.

А. И. Соболевский первым высказал мнение о том, что древний перевод Лествицы был выполнен в Восточной Болгарии, в кружке царя Симеона, во главе которого стоял Иоанн Экзарх Болгарский; учёный указал на киевское происхождение древнейшего славянского списка; именно А. И. Соболевскому принадлежит честь открытия сведений о писце Евсевии-Ефреме в рукописи Диоптры 1388 г.; он также датировал ряд списков Лествицы etc. К сожалению, во многих случаях, выдвигая какое-либо важное положение, учёный не даёт развёрнутых обоснований. Многие из замечаний учёного и сегодня не утратили своей значимости, некоторые нуждаются в поправках.

Наблюдения над составом и редакциями Пролога за сентябрьское полугодие

Перевод византийского Синаксаря обычно относят к началу XII в., а составление славяно-русского Пролога краткой (I) редакции — к началу XIII в. По нашему мнению, верхняя граница (*terminus ante quem*) составления полного Пролога (включающего «слова» и поучения, объединенные с житиями в календарном порядке) должна соответствовать времени написания Таллинских листков, а они датируются в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг» XIV века концом XII — началом XIII в. Учительный раздел, отрывки из которого сохранились в этой рукописи, был выписан из полного Пролога (на это указывают заголовки первых текстов дня «Въ ть(ж) днь»). А это значит, что к моменту написания Таллинских листков полный Пролог уже должен был существовать.

Представляется, что сначала был составлен Пролог пространной (II) редакции, затем не позднее конца XII века была сделана выборка «слов» и поучений из этой редакции, которые были присоединены к житиям переводного Синаксаря (с включенными в него ранее русскими памятниками) за соответствующие дни. Таким образом появилась краткая редакция с житийным и учительным разделами.

Первичность пространной редакции (древнейший отрывок из нее датируется первой половиной XIII века) показывает текстологический анализ статей учительного раздела, совпадающих в обеих редакциях. Тексты из пространной редакции были не просто выписаны, а над ними проведена определенная редакционная работа, например, в некоторых случаях были сделаны лексические замены (в том числе удалены грецизмы), сокращены многие заголовки. При выписывании не удалось избежать разнообразных ошибок и пропусков, и эти ошибки и пропуски затем унаследовали все списки краткой редакции. Таллинские листки, возможно, представляют собой остатки протографа блока выписок из пространной редакции. Здесь тоже имеются пропуски и замены, характерные для кратких списков.

Принципы, которым следовали составители краткой редакции, не очень ясны. Вероятно, изначально для учительного раздела выбирался только один текст на каждый день, исключение было сделано для поучений на праздники и предпразднства (приписываемых Клименту Охридскому). Особого внимания заслуживают несколько статей, которые составители краткой редакции добавили «от себя», в пространной они отсутствуют, на их месте были другие, проигнорированные.

Переводы «Притчи о дворе и змии» в древнерусской письменности

«Притча о дворе и змии» — византийское произведение, в греческих рукописях атрибутированное Христофору Александрийскому (IX в.), а в древнерусских переводах — Иоанну Златоусту. Сюжет основан на известном фольклорном мотиве о змее-деньгоносце, усыпившем бдительность человека и постепенно убившего всю его семью и его самого; толкование притчи: двор — жизнь, змей — дьявол, яд — грех, деньги — похоть. Широко распространенная на Руси, эта притча весьма показательна для изучения переводческой манеры, а также литературных интересов и редакторской работы древнерусских книжников. Памятник включался в состав учительных сборников неустойчивого состава, Златоструя т.н. «полной» редакции (гл.52), Измарагда 1-ой («Древнейшей»), 2-ой («Основной») и 3-й («Юго-Западной») редакций (соответственно, гл.72, 143, 59); кроме того, читался в рукописных Златоустах (в пон. 5-й нед. Вел. поста или в нед. 15 по всех св.) и печатных Сборниках 1647 г. и 1700 г. (в нед. 5-ю Вел. поста). Наше сообщение основано на результатах текстологического анализа 98 списков XIV–XX вв.

Полный текстологический анализ «Притчи о дворе и змии» приводит к следующим выводам:

1) Перевод памятника был выполнен на Руси не позднее XIV в. (древнейшие списки — РГБ, Тр.2; БАН, Соловецк.7); по тексту близок к греческому оригиналу (отличия незначительны). Эта редакция переписывалась в конвое с притчами Кирилла Туровского, с которыми ее сближают принципы построения текста и стилистика эпидейктического красноречия.

2) Редакция притчи в составе «Златоструя» содержит значительное добавление — назидательную новеллу «О слепци», источник которой неизвестен. Такое же содержание, но изложенное другими словами, имеет «Притча о дворе и змии» в составе Стефановского сборника 1475 г. (ГИМ, Щукин.360) и еще двух списков молдаво-влахийского происхождения. Объяснить различия текста при тождестве содержания стилистической правкой невозможно. Вероятно, эти тексты — разные переводы неизвестной нам греческой редакции притчи.

3) В составе трех редакций Измарагда читаются разные редакции притчи, восходящие к разным древнерусским источникам и между собой не взаимодействовавшие. Следы обращения к греческому оригиналу памятника здесь не выявлены.

4). Редакция притчи в составе Златоуста также восходит к древнерусскому источнику и не может быть возведена к греческому оригиналу или его переработкам.

А. И. Соболевский и культура Юго-Западной Руси

А. И. Соболевский был одним из первых русских ученых, оценивших значение Юго-Западной Руси для формирования великорусской культуры.

Он рассматривал разнообразие культуры Юго-Западной Руси, которая долгое время была под влиянием западных, а именно — польских, т.е. католических течений, не как угрозу для Москвы, а как важный фактор развития великорусской культуры. Соболевский анализировал языковые импликации этого «импорта культуры» следующим образом: «По присоединении Киева к Москве южнорусским ученым пришлось разрешить дилемму: или писать по-прежнему на обычном языке, но не претендовать на распространение своих сочинений в Москве, или обратиться к тому языку, к которому они прибегали редко, — к церковнославянскому».

В своем докладе я хотел бы рассказать о жанре духовных песен, так называемых кантов, на которые Соболевский, рассматривая западное влияние на литературу Москвы, указывает лишь кратко. Канты являются ярким примером разнообразных языковых и культурных связей Юго-Западной Руси с Москвой; в XVII–XVIII вв. эти песни распространялись и в Москве и в восточнославянских частях Великого княжества Литовского.

После исторического обзора о распространении песен в докладе обсуждаются возможные решения дилеммы, упомянутой Соболевским, на основе анализа языка конкретных образцов кантов московского и белорусско-украинского происхождения.

Анализ привел к следующим результатам:

— Польские и рутенские *канты*, получившие благодаря южнорусским ученым распространение в Москве, постепенно «церковнославянизировались»: Начало определенной песни, имеющейся в различных московских рукописях, реализуется следующим образом: «*Гвяздо ясноци, панна чистосци*», «*Гвяздо ясности, дево чистосци*», «*Гвяздо ясности, дево чистости*» и наконец «*Звездо светлости, дево чистости*».

— Наоборот, церковнославянские *канты* московского происхождения, ставшие известными в Юго-Западной Руси, приняли элементы «простой мовы». Итак, строка московской песни «Сим бо печаль мою всю ослаждаю» в юго-западно-русской традиции реализуется следующим образом: «Так горький смуток мой осоложаем».

— Таким образом, московские и югозападнорусские ученые решили упомянутую Соболевским дилемму специфическим способом, выбирая подходящий для каждого культурного пространства идиом.

Й. Райнхарт (Вена, Австрия)

А. И. Соболевский и вопрос о древнейшем славянском переводе Римского Патерика

А. И. Соболевский в статье «Римский Патерик в древнем церковно-славянском переводе» (Изборник Киевский. Сборник в честь Т. Д. Флоринского, Киев 1904, 1-28) высказал мнение о том, «что если при Мефодии был переведен какой-нибудь патерик, — так это Римский Патерик» (стр. 4). Как известно, славянская наука последнего времени пришла к выводу, что мефодиевским патериком скорее всего следует считать Скитский Патерик. Несмотря на ряд исследований последних лет и выход в свет критического издания памятника (2001), вопрос о времени и месте перевода Римского Патерика все еще ждет своего решения.

Соболевский опирался прежде всего на данные лексики. Кроме того, были выявлены некоторые грамматические архаизмы (В. Ф. Мареш). Важнейшим фактом при оценке происхождения перевода является текстология предисловия Римского Патерика: его первая часть, как обнаружил В. Ф. Мареш, была переведена не с греческого, как остальной текст, а с латыни. С другой стороны, присутствие целого ряда преславизмов в обеих семьях памятника несколько осложняет гипотезу о моравском происхождении перевода.

В докладе, на основании гипотез Соболевского и учитывая последующие научные достижения, делается попытка дать ответ на вопрос о времени и месте древнейшего славянского перевода Римского Патерика.

Из истории галицко-волынської письменности: древнерусские надписи на стенах церкви св. Пантелеймона в Галиче Южном

В 1914 г. исследователь зодчества древнего Галича Й. Пеленьский опубликовал надписи-граффити и рисунки, обнаруженные им на стенах церкви св. Пантелеймона в Галиче Южном. Особую ценность для датировки церкви, не отраженную письменными источниками, имела древнейшая надпись с датой, которую Й. Пеленьский читал как 1212 г. В другой надписи упоминалось «князьне Мстиславле, держава Игнатова». А. И. Соболевский, которому в Археографическую Комиссию Й. Пеленьский направил в 1910 г. прорисовки и фотографии этой надписи, прочитал в ней имя «Даниил». Опираясь на эти данные, Й. Пеленьский отождествил Мстислава надписи с князем Мстиславом Удамым, сидевшим на Галицком столе с 1219 по 1227 гг., а Даниила — с волынским князем Даниилом Романовичем, зятем Мстислава Удалого, и на этом основании датировал надпись XIII в., а постройку церкви отнес ко времени «около 1200 г.». При натурном обследовании этого материала в 1989 г. в рамках архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (рук. О. М. Иоаннисян) нами были исследованы уже известные и выявлены новые древнерусские, а также латинские и армянские надписи XVI–XVII вв., отражающие сложную языковую и этноконфессиональную ситуацию позднего средневековья на землях бывшего Галицко-Волынського княжества.

Архитектурно-археологические исследования Пантелеймоновской церкви 1960 — 1980-х гг., анализ ее форм и конструкций, появившихся в галицком зодчестве в самом конце 80-х — начале 90-х гг. XII в. (П. А. Раппопорт, О. М. Иоаннисян), а также заново прочитанная нами надпись с датой (вместо 1212 — 1194 г.) показали, что церковь была построена в конце XII в. Изучение подлинника надписи с именами Мстислава и Даниила позволило существенно скорректировать текст в публикации Й. Пеленьского и восстановить его почти полностью. По сравнению с публикацией и интерпретацией этой надписи в (Рождественская 1992: 126–134), в докладе предлагаются иные возможные интерпретации текста и его датировка, основанные как на лингвистическом анализе одного из древнейших галицко-волынских эпитафических памятников, так и на анализе историко-политического контекста Галицкой Руси второй половины XII — первой трети XIII в.

В. А. Ромодановская (Санкт-Петербург)

**Проект издания Геннадиевской библии Славянской библейской комиссии
(по материалам Архива РАН)**

Научное издание Геннадиевской библии было одной из основных задач Комиссии по научному изданию славянской Библии. Непосредственным организатором и исполнителем издания был И. Е. Евсеев.

Публикация Геннадиевской библии являлась частью полного научного издания славянских библейских текстов, причем «латинские» книги должны были войти в пять выпусков шестого тома.

Кроме того, планировалось полное издание списка 1499 г.; принципы публикации его были разработаны И. Е. Евсеевым. Печатание должно было быть осуществлено в Московской Синодальной типографии, «в срок не менее 4-х лет», т. е. к 1918 г.

К началу 1916 г. текст списка 1499 г. был полностью подготовлен и сдан в набор; И. Е. Евсеев получил первые гранки. Однако в 1917 г., в связи с революционными событиями, работа Московской Синодальной типографии была приостановлена, а вскоре и прекращена. Набор частично рассыпан, клише утрачены.

После кончины в 1920 г. проф. И. Е. Евсеева завершение работ было поручено А. С. Орлову; изучением «латинских» фрагментов занялся А. Д. Седельников. Однако гибель А. Д. Седельникова и перевод А. С. Орлова в Ленинград не позволили осуществить намеченное.

А. И. Соболевский о переводчиках Патерика Римского и неизвестный перевод Иоанна экзарха Болгарского

А. И. Соболевский в работе «Римский Патерик в древнем церковно-славянском переводе» впервые высказал предположение, что это произведение Григория Великого (известное также под названием Диалоги), очень популярное в Древней Руси, было переведено в X в. с греческого двумя славянскими книжниками: один из них работал над первыми тремя частями (или книгами) Диалогов, а другой — только над четвертой, под названием «О душе». Современный итальянский исследователь К. Дидди (Патерик Римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. М., 2001) на основе лингвистического анализа показал отличия в манере работы этих двух переводчиков: для первого характерно «строгое следование оригиналу и буквальный перевод...Работа второго книжника значительно более свободна, характеризуется ...отступлением от оригинала, пропуском различных по объему отрывков текста» и т.д.

Вернуться к вопросу о личности и методах работы второго переводчика позволяет выявленный недавно нами перевод из четвертой книги Патерика Римского. Оказывается, фрагменты этого сочинения, а именно: 1-я и 2-я глава четвертой книги «О душе», — впервые перевел выдающийся книжник Иоанн экзарх Болгарский, который присоединил их к своему переводу Богословия Иоанна Дамаскина в качестве 49-й главы. Поскольку большинство исследователей относит перевод Богословия ко времени до 893 г., эту дату возможно распространить и на перевод болгарского экзарха из Патерика Римского, следовательно, болгарский книжник обратился к этому памятнику прежде его полного перевода. Обнаруженные текстуальные совпадения между фрагментами в переводе Иоанна экзарха и теми же фрагментами в составе Патерика Римского позволяют предположить следующее: 1) переводчик «симеоновской» эпохи (X в.), переведивший четвертую книгу Патерика, был знаком с Богословием, а соответственно, и с дополнительной, 49-й главой, которую он использовал в своей работе; 2) переводчик располагал каким-то несохранившимся переводом всей четвертой книги, выполненным Иоанном экзархом; 3) Иоанн экзарх является тем самым «вторым» переводчиком, работавшим над четвертой книгой Диалогов. Особенности переводческой манеры выдающегося болгарского книжника IX–X вв., на которые неоднократно указывали исследователи: сокращение, пересказ, адаптивное оригинала, привнесение собственных интерполяций, — все это отличает и перевод четвертой книги Диалогов.

**Н. М. Каринский — ученик А. И. Соболевского:
научная преемственность и личные взаимоотношения
(по материалам редкого фонда Библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена)**

Книжное собрание Николая Михайловича Каринского (1873–1935), известного русского филолога, ученика А. И. Соболевского, является важной составляющей фонда редких книг Фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена. Определенное тематическое единство коллекции (книги по палеографии, истории славянских языков и литератур, диалектологии и фольклору) свидетельствует о том, что отправной точкой в формировании книжной коллекции послужила профессиональная деятельность Н. М. Каринского. Многие издания имеют владельческие пометы на полях, сопровождаются дарственными надписями, что придает особую ценность экземплярам, а также отражает ход научных дискуссий и указывает на личные взаимоотношения между учеными.

В первую очередь необходимо отметить книги Алексея Ивановича Соболевского. В коллекции Н. М. Каринского имеется более 30 изданий различных монографий и статей А. И. Соболевского, среди них присутствуют наиболее значимые труды этого ученого, определившие ход развития исторической науки о языке в XX веке, например: «Славяно-русская палеография» (СПб., 1908, второе издание); «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.» (СПб., 1903). Обе книги сопровождаются дарственными надписями: *«Любезнейшему Николаю Михайловичу Каринскому на память отъ автора»*.

В собрании Н. М. Каринского сохранились научные труды Алексея Александровича Шахматова, охватывающие по тематике многие области гуманитарного знания. Известно, что А. А. Шахматов очень скептически отнесся к некоторым работам Н. М. Каринского и не принял результаты его исследования в свое построение исторической диалектологии. В коллекции Н. М. Каринского сохранился отдельный оттиск статьи А. А. Шахматова «К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры» (Варшава, 1912), где критикуются некоторые выводы Н. М. Каринского по языку псковских памятников. Издание сопровождается дарственной надписью: *«Многоуважаемому Николаю Михайловичу Каринскому отъ автора»*.

Таким образом, изучение частных книжных собраний помогает выявить не только личные библиофильские пристрастия коллекционера, но и проследить за развитием русской филологической науки на рубеже XIX–XX вв.

А. И. Соболевский как исследователь русских былинных имен

А. И. Соболевский в совокупности рассматривает более 30 имен¹ и начинает свое исследование с имени главного персонажа русского героического эпоса — Ильи Муромца.

Известно, что суждения ученых заметно расходятся прежде всего по хронологической и пространственной локализации, отчасти и по социальной отнесенности этого имени. Согласно Д. И. Иловайскому², оно и древнее, и знатного происхождения. По В. Ф. Миллеру, оно — крестьянского происхождения и складывается позднее в Суздальской Руси. Б. А. Рыбаков на основании сопоставления показаний текстов былин и летописей считает, что Илья Муромец «действует и при Владимире Святославиче (умер в 1015 г.), и при хане Кончаке (1170-1180- гг.), и при собаке-царе Батые (1237-1250-е гг.)»³. А. И. Соболевским же вопрос о времени появления имени Ильи Муромца решается на совершенно ином основании — по культурной традиции, в частности, по христианской. Илья — христианское имя, а «христианские имена стали у нас употребляться более или менее часто не раньше XII в.» По данным Новгородской летописи, «сохранившей много имен бояр и лучших людей», нет имени всенародно известного богатыря. В согласии с этим обстоятельством «возникновение былин об Илье едва ли может быть относимо ко времени до конца XII в.»⁴. Таким образом, *в качестве одного из оснований установления относительной хронологии лингвистического события в исторический период А. И. Соболевский утверждает нижнюю границу письменно подтверждаемой культурной традиции.* Но это не значит, что культурная традиция непременно должна быть письменно подтверждаемой. Согласно А. И. Соболевскому, отсутствие письменных подтверждений того или иного языкового факта может быть компенсировано тщательным лингво-филологическим анализом всех связанных с ним явлений, в том числе и типологического плана. Рассматривая имя второго популярного былинного богатыря — Добрыни Никитича, А. И. Соболевский обращает внимание на те моменты, которые в их сумме складываются в стройную картину аргументированной историко-филологической методики исследования. Все эти синхронные констатации

¹ Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 228–248.

² Иловайский Д. И. Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо. По поводу исследования Всеволода Миллера «Эксперименты в область русского народного эпоса» (М., 1892) // Русский архив. 1893. № 5. С. 34.

³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 59.

⁴ Соболевский А. И. Указ. соч. С. 228. Более подробный разбор литературы на эту тему см.: Тарланов З. К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 74–75.

можно было бы обозначить как *комплексную методiku исследования отдельного языкового факта, опирающуюся на разносторонние культурно-исторические традиции народа*. При решении вопроса о том или ином имени для А. И. Соболевского очень важной оказывается в целом *степень его вписанности как в общенациональный ономастикон, так и в собственно лексическую систему, не исключая и родственные культуры*. В качестве иллюстрации исключительной щепетильности А. И. Соболевского в подборе языковых фактов в русле одной из коренных традиций русской филологической науки в высшей степени показателен и пример анализа былинного имени *Дюк*.

В этом и состоит одно из важнейших качеств русской филологической классики, которая, к сожалению, понемногу, но последовательно оттесняется на периферию современной исследовательской практики.

В. С. Томеллери (Мачерата, Италия)

Первая попытка создания синтаксической терминологии на Руси

В статье изучается синтаксическая терминология, как она представлена в средневековом грамматическом трактате, переведенном с латыни приблизительно в конце XV или в первые десятилетия XVI столетия в Новгороде: *Правила граматичные меньшие (Regulae grammaticales)*. Этот текст является школьным учебником по латинскому синтаксису; в него вошли в сокращенном и упрощенном виде лингвистические понятия и термины, прямо или косвенно восходящие к двум основным традициям: *Доктринале* Александра де Вилла Деи и учению модистов.

Цель работы двойная: с одной стороны, дать обзор и полный перечень всех грамматических терминов, содержащихся в тексте, вместе с их латинскими соответствиями, а с другой — исследовать морфологические характеристики этих синтаксических нововведений и переводческую технику.

Хотя этот грамматический трактат, по ряду еще не полностью выясненных причин, но прежде всего из-за его местного характера, не оказал влияния на развитие синтаксической терминологии у восточных славян, все же он имеет большую культурную и языковую ценность: его значение состоит в том, что он свидетельствует не только о «западном влиянии» на Русь, введенном в научный оборот А. И. Соболевским, но и об особом внимании восточных славян к лингвистическим вопросам на теоретическом и дидактическом уровнях.

Ф. Дж. Томсон (Антверпен, Бельгия)

**Несколько до сих пор не установленных оригиналов переводных текстов,
описанных Соболевским**

В 1903 году Соболевский издал книгу «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы», и в 1908 году ее прямое продолжение «Из переводной литературы Петровской эпохи. Библиографические материалы». В 1989 году оба сочинения были переизданы в одном переплете в Лейпциге с послесловием, подписанным профессорами Б. А. Успенским и Д. Фрейданком, в котором они правильно подчеркнули, что в Древней и Московской Руси «переводная литература имела несравненно большее значение, нежели оригинальная». В свое время Соболевскому удалось установить оригиналы большинства этих переводов, но в некоторых случаях оригиналы остались ему неизвестными, что, конечно, осложняет изучение переводов. Автору удалось установить оригиналы некоторых из них на основе данных, сообщенных Соболевским. Надеемся, что новая информация об оригиналах послужит стимулом к дальнейшему изучению соответствующих переводных памятников.

А. А. Турилов (Москва)

А. И. Соболевский и палеография

О заслугах А. И. Соболевского в деле становления славянской кириллической палеографии говорить представляется излишним. Он справедливо считается одним из создателей комплексного метода, при котором классифицируются палеографические особенности памятников в их историческом движении, при этом распространившим его и на средневековые (XV–XVII вв.) памятники. Его курс лекций, читавшийся в стенах Археологического института в Петербурге, представляет великолепный образец популяризации специальной дисциплины. Помимо курса, выдержавшего при жизни автора два типографских издания (а до этого несколько «малой печатью»), несомненным вкладом Соболевского в развитие палеографии является издание 5 альбомов снимков с рукописных книг и документов.

Какие же обстоятельства делают курс лекций Соболевского сегодня по преимуществу фактом историографии (несмотря на лейпцигский репринт 2-го изд. в 1970 г.), не позволяя рассматривать его на одном научном и образовательном уровне с аналогичными трудами В. Н. Щепкина и Е. Ф. Карского — исследователей одного с ним поколения? Едва ли можно свести их только к тому, что Соболевский ограничился жанром лекционного курса и не продолжил работу над ним в 1910–1920-х гг. и не написал учебник либо справочное пособие.

Недостатки курса (и шире — палеографического метода) Соболевского, отчетливо видимые по прошествии столетия после выхода в свет второго издания книги, можно разделить на две группы: 1) свойственные всей современной ему историко-филологической науке (либо значительному числу ее представителей), объясняемые в значительной мере уровнем ее развития, и 2) свойственные автору лично.

К числу первых принадлежит недооценка объема сохранившегося южнославянского средневекового письменного наследия и невнимание к новгородско-псковской консервативной традиции XV в., результатом которой явилась деформация картины развития книжной культуры в предшествующем столетии. Ко вторым относится устойчивая ретроградная позиция в отношении возможностей филигранологии, приведшая исследователя к серии ошибочных заключений по поводу датировки ряда позднесредневековых памятников письменности (Лицевой летописный свод и «большаковское» Житие Николая Чудотворца, «Николо-Пустыньское» и «Каменец-Стромиловское» Евангелия и др.); нельзя также не отметить излишней доверчивости исследователя в отношении разновременных фальсификатов.

Некоторые проблемы изучения исторической лексикологии и исторического словообразования [по материалам Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)]

1. Новые возможности изучения истории русского языка определяются двумя главными особенностями Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) (СДРЯ): 1) это первый древнерусский словарь-тезаурус; 2) он основан на большом материале памятников, охватывающих разнообразные жанры письменности XI–XIV вв. Сочетание этих двух свойств — весьма редкое явление в исторической лексикографии.

2. Для исторической лексикологии весьма ценными являются имеющиеся в СДРЯ статистические данные об употребительности каждого слова. Возникла возможность составления частотного словаря лексики XI–XIV вв. и выявления самых разнообразных статистических свойств лексики XI–XIV вв. и их сопоставление с современной лексикой.

2.1. Весьма перспективно, в частности, сопоставительное статистическое исследование славянизмов и русизмов. Материалы картотеки СДРЯ позволяют делать заключения о частности и сфере употребления славянизмов и русизмов как в языке вообще, так и в каждом из памятников-источников СДРЯ. Пока такие исследования проведены на весьма ограниченном материале (ср. [Белозерцев 1964; Улуханов 1969, 2004])

2.2. Данные о частности и сфере употребления славянизмов, содержащихся в СДРЯ и его картотеке, позволяют изучить разнообразные закономерности, касающиеся судьбы славянизмов в русском языке. Так, изучение всех славянизмов, представленных в СДРЯ (буквы А, Б, Г, Д), показало, что в светские памятники проникло менее 30% всех старославянизмов (158 из 555), причем степень распространенности старославянизмов весьма строго связана с их частотностью: почти все старославянизмы с частотностью от 400 до 10 000 употреблены не только в церковно-книжных, но и в светских памятниках, из старославянизмов с частотностью от 100 до 399 — 83%, с частотностью от 10 до 99 — 34,9%, а с частотностью от 1 до 9 — 8,3% (подробнее см [Улуханов, Солдатенкова 2002: 48-49]).

3. В области исторического словообразования открываются новые возможности определения степени продуктивности того или иного типа или средства, разграничение узальной и окказиональной лексики, а также центра и периферии в лексическом составе словообразовательного типа. В докладе кратко рассматривается последняя из названных проблем.

3.1. К центру относятся прежде всего наиболее частотные явления, поэтому слова любого словообразовательного типа целесообразно изучать с точки зрения частотности.

Анализ употребительной лексики позволяет выявить ряд закономерностей, касающихся функционирования и развития центральной и периферийной лексики словообразовательного типа.

Так, предварительное изучение по первым шести томам СДРЯ частотности употребления префиксальных глаголов (с префиксами *въ-, въз-, за-, из-, на-, низъ-, о-, объ-, от-, отъ-, пере-*) показало, что для большинства глагольных префиксов наиболее частотным (т.е. центральным в типе) является глагол, мотивированный глаголом *ити*: *вънйти* (1212), *выйти* (109), *дойти* (313), *изйти* (947), *отъйти* (939), *перейти* (80).

Высокая частотность префиксальных глаголов, мотивированных глаголом *ити*, объясняется прежде всего тем, что *ити* — наиболее частотный (≈ 3000) из всех глаголов, способных присоединять префикс в пространственном значении, присущем почти всем префиксам. Более частотными, чем *ити*, являются лишь глаголы *быти* (> 50000), *глаголати* (> 7000), *видѣти* (≈ 6000) и *имѣти, -амь* (> 5000), не способные присоединять пространственные префиксы и поэтому имеющие менее развитую систему префиксальных образований (а некоторые образования с *-быти* пережили опрощение: *добыти, забыти*).

Представления о словообразовательных системах (и прежде всего о лексическом составе их подсистем) могут быть пополнены, например, путем сопоставления частотных словников мотивированных слов. В древнерусском и старославянском языках такой словник возглавило бы слово *божии* (соответственно 5000 и > 800 употреблений), в деловой разновидности староукраинского языка, по данным «Словаря староукраинского языка» (1977–1978), — сложное *воевода* (1639), а в языке советской эпохи (по данным «Частотного словаря русского языка» (1977) — *советский* (1137).

А. Фаловски (Краков, Польша)

Значение работ А. И. Соболевского для изучения древнего псковского говора

Настоящий доклад состоит из трех частей. В первой части хронологически систематизируются важнейшие научные работы, посвященные истории псковского говора, начиная с известного труда А. И. Соболевского «Очерки по истории русского языка» (Киев, 1884). Во второй части приводятся основные фонетические и морфологические (флексия) особенности этого говора, свойственные ему в XIV–XV вв. Отдельно представлены черты, характерные исключительно для псковского говора, отдельно такие, которые связывают диалект Пскова той поры с другими диалектами (новгородским, смоленско-полоцким). В третьей части обсуждается вопрос дальнейшей судьбы псковского говора после XVI в. Довольно много внимания уделяется также значению сохранившихся до наших дней русско-немецких разговорников и словарей XVI в. и их роли в решении некоторых спорных вопросов, касающихся фонетической и фонологической структуры исследуемого говора. Основной целью доклада является оценка работ А. И. Соболевского с точки зрения их актуальности по сравнению с более новыми исследованиями о языке Пскова XIV–XVI вв.

Выражение оригинала или выражение списка?

Рассматриваются три случая порчи текста в традиции «Скитского патерика»: первый — вызванный ошибочной идентификацией глаголов *не родити* и *неродити*, второй — неизвестностью прилагательного **вивлѣнъ*, третий — разложением искусственно созданного по греческой модели ряда выражений для покрытия семантического поля *напрасно* — *без причины* — даром: *въ тѣцѣ* (εἰς κενόν), *соуѣ* (μότην), *ашоуѣ* (εἰκῆ), *спъгити* (δωρεάν ‘без причины’), *тоуѣ* (δωρεάν ‘даром’). Реконструкция исходного состояния в трех случаях основывается на данных вариации в ветвях трансмиссии самого «Скитского патерика», в Псалтыри и Новом Завете. Два первых случая приписываются писцу охранного списка (Плиски, 886–887 гг.), в последнем же проявляется независимая деятельность переписчиков (X–XIV вв.).

Обращается внимание на то, что вопрос «Какое выражение принадлежит оригиналу, а какое списку?» полноценно формулируется только из перспективы реконструкции текста. Из перспективы конкретного списка в качестве «основного» он или не возникает вообще, или получает ответ без полного охвата данных. Рекомендуется концептуальное разграничение списка от *текста*.

Три средневековых славянских перевода книги Иова с толкованиями

Принято считать, что первый толковый перевод книги Иова сделан очень рано. Он содержит толкования Олимпиодора и сохранился в нескольких списках, самый ранний из которых — русская рукопись из собрания ГИМ, Чуд. 6, 1394 г. Тот же перевод книги Иова распространялся и без толкований. Он находится в болгарской рукописи XIV века РНБ, Ф. I. 461, в него попали и отрывки толкований. Тот же перевод вошел в Геннадиевскую, Острожскую и Елисаветинскую Библии.

В начале 15-го века на Афоне сделан перевод катены книги Иова — собрание толкований свыше 20-ти византийских отцов Церкви. Этот перевод находится в сербском списке инок Гавриила 1412 г., который хранится в Синодальном собрании в ГИМ под № 202. Вероятно, тот же перевод находится в среднеболгарском двуюсовом списке 1503 г. книжника Виссариона, изготовленном в Зографском монастыре и сегодня хранящемся в библиотеке Румынской академии наук под № 96.

Еще один южнославянский (возможно, болгарский) перевод катены Иова сохранился в рукописи последней четверти XV века из собрания Рыльского монастыря №1/4, писанной ресавской орфографией. Краткая версия толкований хранится в рукописи Владислава Грамматика 1456 года, в которой находится также перевод «Шестоднева» Василия Великого. До недавнего времени все исследователи (в том числе и я) предполагали, что в четырех перечисленных рукописях находится один и тот же перевод катены Иова. Лишь недавно я получила возможность поработать со списком инок Гавриила 1412 г. и установила, что содержащийся в нем перевод библейской книги и комментариев к ней отличается от перевода, находящегося в обеих рукописях Рыльского монастыря.

В докладе сопоставляются три перевода библейской книги и толкований Олимпиодора, дается краткий анализ трех переводческих подходов и на основе того, что известно о византийской традиции книги Иова с толкованиями, высказывается предположение о греческих источниках трех славянских переводов.

М. И. Чернышева (Москва)

Символика названия византийско-славянского сборника «Маргарит»

Известный сборник слов Иоанна Златоуста «Маргарит» находится в составе Четиех Миней митрополита Макария (XVI в.) в томе за сентябрь (дни 14-24). Самое раннее упоминание этого памятника исследователи обнаруживают в уставе XIV в. в рукописи Московской Синодальной библиотеки № 385. Название «Маргарит» (в другом списке: «Жемчуг») могло распространяться и на другие книги. Так, рядом с названием «Златая Матица» в титуле Погодинского сборника № 1024 написано: «Сиа книга именуется жемчуг и матица злат», что В. М.Истрин предлагал понимать как 'золотой источник'. Он писал: «Русский книжник приравнял «Матицу» к драгоценным камням, как жемчуг, бисер, Маргарит, каковыми именами назывались... известные книги, и причиной такого приравнения был эпитет «златая»». Предложенное В.М.Истриным понимание названия «Матица» в соположении с названием «Жемчуг» не может быть нами принято по нескольким причинам, в том числе, по причине наличия определенной преемственности, существовавшей в средневековой символической системе. Перечисленные В.М.Истриным названия (иногда дополняющие друг друга, иногда взаимозаменяемые): «Бисер», «Жемчуг», «Глубина», «Златая Матица» и «Маргарит» — принадлежат одному понятийному кругу. Две евангельские цитаты: Матф. 7, 6 и Матф. 13, 45-46 являются в данном случае ключевыми и понимаются в церковной традиции как учение Христово и таинство веры. Позже добавляется мысль, получившая распространение в древнеславянской и древнерусской литературе: как многоценный бисер, т.е. жемчуг, добывается с большим трудом из глубины, так и знания (здесь: разум) достигаются с не меньшими усилиями. В средневековом христианском сознании *христианская вера, христианское учение* и *Христос-жемчужина (божественный бисер, бесценный бисер)* — абсолютно идентичны. Соответственно, Богородица понималась как «бессеменная шивада», т.е. раковина, где и находился «Божественный бисер» — Христос. Т.о., «Златая Матица» это *золотая жемчужница (матка-раковина)*, в символическом смысле соотносимая с Богородицей. Далее разбирается соответствующая символика.

Этот, как и проведенный нами ранее анализ древнерусского названия византийского правового сборника «Кормчая», позволяют говорить о том, что для правильного понимания средневековых христианских текстов необходимо проделать путь к постижению *первоначального смысла* символа или образа, обладающего свойственной этому феномену *способностью перетекать* из одного образа в другой, а затем *ускользая*, заменяясь *новым смыслом* (или смыслами), что приводит в результате — в лучшем случае — к упрощенному, а в худшем — к ошибочному пониманию.

«Русский» плюсквамперфект в языке древнерусских летописей

1. Новый славянский плюсквамперфект (ПП), называемый обычно в русистике «русским», фиксируется в др.-рус. памятниках с XI в. Это образование типа *даль быль* уже в ранний период превращалось в структуру из двух финитно-глагольных компонентов: претерита смыслового и претерита вспомогательного глаголов.

2. Спектр значений и специфика употребления русского ПП выявляется в сопоставлении с ПП книжным. Летописи XII–XIII вв. — Киевская летопись (КЛ) и Суздальская летопись (СЛ) — дают в этом отношении показательный материал.

ПП вполне регулярно используется в летописях для выражения регресса, при этом книжный ПП — это форма прежде всего нарратива, русский ПП — прежде всего прямой речи. Основное значение книжного ПП — исконное смещенно-перфектное; в контексте противопоставления последующему развитию событий на базе этого значения может развиваться значение отмененного или недостигнутого результата, всегда обусловленное контекстуально (*и приде к немуо Игорь. бѣ бо Игореви обѣщаль издавна дати подѣ собою Черниговъ и не да емоу* КЛ, 1140 г.). В крайне редких случаях старого ПП в прямой речи он выражает антирезультативное значение, что задается контекстом противопоставления положению дел в момент речи. Те же значения обнаруживаются у русского ПП, но представленность их иная: смещенно-перфектное значение встречается редко и преимущественно в нарративе, основным становится значение антирезультативное, которое при этом остается обусловленным контекстом противопоставления (*где есме были доумали поити на стрѣмъ своего то оуже тамо не ходи. но поиди сѣмо ко мнѣ* КЛ, 1147 г.).

3. Старый и новый ПП оказываются противопоставленными не по значению, а по более//менее характерным для них типам употребления. Антирезультативное значение не является специфическим для русского ПП, а развивается на базе исконного перфектного в благоприятных контекстных условиях, прежде всего — в прямой речи. Севернорусские говоры сохранили оба эти значения русского ПП.

4. Случаев употребления русского ПП в значении давнопрошедшего (вне связи с результативностью), известного в новгородских берестяных грамотах XII в., современных севернорусских и карпатоукраинских говорах и в зап.-слав. языках, в КЛ и СЛ не представлено; однако в СЛ есть случаи такого употребления книжного ПП — возможно, отражение значения русского ПП книжными средствами. Вопрос о времени развития этого значения в разных др.-рус. диалектных зонах требует исследования.

О языке Софийского (середины XIII в.) и Лобковского (1262 г. или 1282 г.) прологов

Как известно, вторая часть Софийского пролога (ПрС), кроме листов 235–241, датируется приблизительно серединой XIII в., Лобковский пролог (ПрЛ) — 1262 г. или 1282 г. По поводу датировки последнего памятника нет единого мнения. Поскольку дата в выходной записи писца размыта, разные исследователи склонны видеть разные знаки: коппу или *о*.

А. А. Гиппиус [1992: 69] установил, что большая часть поучений в ПрС (с л. 161 по 287 об., кроме л. 172г–173в и 178а–185г) переписана Тимофеем пономарем, который переписал также текст ПрЛ. Если это так, то в наших руках оказывается уникальный материал — текст, дважды переписанный одним человеком. Мы попытались сопоставить язык обоих памятников, чтобы выявить, какой из них написан раньше, и попытаться уточнить датировку обоих. Предполагалось, что в рукописи, написанной ранее, Тимофей по молодости и неопытности допускал больше ошибок разного характера, в том числе больше диалектных особенностей. Прежде всего наше внимание было направлено на употребление диалектизмов, русизмов, редуцированных и на морфологические инновации. При этом написание, например, редуцированных могло определяться и орфографией протографа (а разночтения показывают, что протографы ПрС и ПрЛ были разными). Но вполне вероятно, что при употреблении аффрикат цокающий писец полагался на свои знания либо по невнимательности неверно передавал орфографию протографа — иначе рукописи не содержали бы такого огромного количества цокающих написаний.

Наши исследования приводят к противоречивым результатам. Так, в ПрЛ меньше ошибок при передаче *ц* и *ч*: из 140 разночтений данного характера 95 «ошибок» в ПрС, и, соответственно, 45 в ПрЛ. Иными словами, создается впечатление, что при написании ПрЛ Тимофей был более грамотным или внимательным. Однако в ПрЛ редуцированные пропускаются чаще, а суффикс **-vis-*, в отличие от ПрС, по преимуществу пишется без редуцированного. Кроме того, в ПрЛ значительно больше русизмов и др. инноваций. Все эти противоречия объяснимы только в том случае, если отказаться от утверждения, что оба текста переписаны одним человеком. Это подтверждается также некоторыми другими графико-орфографическими особенностями.